

**Александр Прозоров**

серия  
**Охота бессмертных**

Книга первая

**Любовь ифрита**

Охота бессмертных

Александр Прозоров

**Любовь ифрита**

«Автор»

2020

УДК 82-344  
ББК 84(2)

**Прозоров А. Д.**

Любовь ифрита / А. Д. Прозоров — «Автор», 2020 — (Охота бессмертных)

ISBN 978-5-6044238-8-2

Михаил Варишин мало чем отличается от окружающих людей. Он работает, ездит на курорты, катается на горных лыжах, помогает полиции с раскрытием «глухарей» и даже имеет хорошую подругу-ведьму. В Михаиле нет абсолютно ни малейшей злобности. Просто он родился ифритом и, чтобы выжить, вынужден охотиться на магических существ: упырей, колдунов, оборотней, провидцев, суккубов и демонов. И все бы хорошо – вот только волшебников, суккубов и вампиров на этом свете почти не осталось. А кто уцелел – слишком хорошо от ифритов прячутся. И потому от нестерпимого голода Михаил решил на авантюру – попытался питаться аурой обычной женщины. Разумеется, для его целей годится только сильная, здоровая, волевая и энергичная женщина... Но вот проблема! Энергичные и волевые – легко не сдаются!

УДК 82-344  
ББК 84(2)

ISBN 978-5-6044238-8-2

© Прозоров А. Д., 2020  
© Автор, 2020

## Содержание

Пролог	6
Часть первая	13
Охота на живца	13
Светская жизнь	21
Свидетель	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

# **Александр Прозоров**

## **Любовь ифрита**

Серия  
*Охота бессмертных*

Книга первая  
**Любовь ифрита**

© Прозоров А., 2020

© Оформление. Прозорова А., 2020

## Пролог

*20 лет назад*

*Деревня Рассохино. Зима. Крещенский сочельник*

В ветхой темной бане постоянно что-то шуршало, потрескивало, посвистывало; здесь пахло пылью, сеном, мышами и дегтем. Пахло бы, наверное, и сыростью – однако маленький сруб за долгую стужу вымерз насквозь, вплоть до инея на потолке и льдинках на стенах. И потому первым делом Умила затопила уже совсем ржавую печурку с грудой наваленных сверху бело-синих камней, огороженных столь же рыжей и гнилой металлической сеткой.

– Нет, ты представляешь, подруга?! – возясь возле топки, громко рассказывала девочка. – Мы прожили в одной квартире четырнадцать лет, и она всегда казалась мне тихой скромной пенсионеркой! И тут я вдруг узнаю, что моя бабушка считается самой крутой ведьмой всего нашего города! Сечёшь, Настюха? Она самая-самая что ни на есть крутая и настоящая колдунья!

Правая бровь возмущенной истопницы выгибалась крутой черной дугой, левая была прямой и русой, нос остро выпирал из круглого лица с узкими губами и овальным подбородком. В общем, не считая больших карих глаз – совершенно несуразные черты... Каковые непостижимым образом складывались во вполне миловидное личико.

Все остальные достоинства Умилы скрывал длинный зеленый пуховик.

Однако внешнее возмущение, выраженное вскинутой бровью и плотно сжатыми губами, даже в малой степени не отражало всей глубины той ярости, что пылала сейчас в душе этой восьмиклассницы! Ведь у себя в школе девочка пребывала в числе тех, кого принято называть «париями», отщепенками. Умила не блистала ни красотой, ни остроумием, ни общительностью, ни силой, ни успехами в учебе, не могла похвастаться ни богатством родителей, ни их известностью, ни какими-либо иными мало-мальски заметными достоинствами. Посему, очень мягко говоря – особой популярностью среди одноклассниц не пользовалась. Своей компанией не обзавелась, к чужим не прибилась. Самой же лучшей ее подружкой стала Настя Комякина – нелюдимая отличница, слишком озабоченная учебой, чтобы научиться общаться со сверстниками.

Впрочем, учитывая то, что подруга оказалась единственной – ей несложно было оставаться и лучшей.

И вот теперь, в восьмом-то классе, Умила вдруг узнала, что ее бабушка – потомственная ведьма! Что она умеет творить привороты и отсушки, заговаривать грыжи и зубы, восстанавливать семьи и наводить порчу. Что все эти годы Умила могла пользоваться в школе если не успехом – то, по крайней мере, уважением, смешанным со страхом! Ведь мало кто в здравом рассудке рискнет вызвать недовольство колдовской внучки. Ибо – мало ли что?

Могла – но получила свой шанс на популярность слишком поздно...

– А как ты про это узнала, Мила? – поинтересовалась вторая девочка. Голубоглазая, русоволосая, одетая в черную дутую куртку и в джинсы, столь плотно обтягивающие ноги, что больше всего они напоминали синие трикотажные колготки. – Что, нашла ступу и метлу?

– Да тетка одна на улице подвалила... Предложила мне десять тысяч рублей только за то, чтобы уговорила бабушку с ней встретиться! – Умила закрыла дверцу, распрямилась, pokrutila головой, что-то высматривая, но рассказ продолжила: – Так вот... Толстушка эта была уверена, что знаменитая Дорьяна ее супруга не только обратно в семью вернет, но еще и приклеит мужика крепко-накрепко, до самого гроба! Причем сходу поклялась полтора ста косарей за это волшебство отвалить!

– Ни фиги себе! – присвистнула подружка. – Бабка согласилась?

– При мне нет... – Умила вышла в предбанник, вернулась с большим зеркалом. – Но чем потом закончилось, не знаю. Тетка показалась упертой. Ну, сама понимаешь. Брошенки, они такие. Прибабахнутые. Чтобы обратно все вернуть, любое бабло заплатят. Думаю, она бы и на двести косарей согласилась. А может, и на триста. Толстушка выглядела упакованной на все сто...

Внучка ведьмы водрузила зеркало на заиндевевшие полаты,дохнула, протерла бумажным полотенцем. Чуть отступила, приглядываясь. Сновадохнула, хорошенько натирая.

– И что теперь? – зябко поежилась ее спутница.

– Понимаешь, Анастасия... – Девочка бросила грязные и скомканные бумажные лоскуты в печку, снова зашарила по шкафчикам и полкам. – Понимаешь... У ведьмы в роду колдовская сила... она не от матери к дочке, она от бабки ко внучке передается. Выходит, если моя бабка чародейка, то и у меня такой же дар должен иметься... Ага, нашла!

Умила поставила перед зеркалом две стеариновые свечи.

– И что теперь? – повторила вопрос ее подруга.

– Да ты чего, Настюх?! – повернулась к ней девочка.

– Сочельник же сегодня! Время на суженого-ряженого гадать. В такой день положено в полночь в бане зеркало поставить, две свечи зажечь, прочитав наговор и попросив жениха будущего показать. Если у меня и вправду есть колдовская сила, все должно получиться!

Ведьмина внучка открыла дверцу воющей от жаркого пламени печки, подбросила в нее еще несколько тонких поленьев и расстегнула пуховик, оставшись в леггинсах и в бадлоне, тесно сидящих на совсем тощем, еще детском теле.

Как это обычно бывает с железными печами, возле топки уже стало невыносимо жарко – хотя на всех стенах при этом все еще продолжал радужно поблескивать иней.

– На кой черт нам сейчас на этих женихов смотреть, Мил? – Анастасия сдержала зевок, поморщилась. – Потом жить неинтересно станет. Будешь всех встречных парней с уже известной физиономией сравнивать. Тот не тот, похож не похож?

– Да перестань, Настюха! Любопытно же! – оглянулась на нее Умила. – Получится или не получится? Если я и вправду ведьма, и зеркало покажет нам всех будущих мужей, то ты сможешь оставить найденного суженого-ряженого напоследок. Он ведь от тебя никуда не денется, правильно? С другими гуляй, веселись, а настоящего жениха для семейного гнездышка побереги, скромной и целомудренной перед ним прикинься...

– Это все равно, как в интересной книге сразу прочитать самую последнюю страницу, – парировала ее подруга. – После чего все прочее содержание становится предсказуемым и скучным. Вот скажи, для чего ты своего жениха прямо сейчас увидеть хочешь?

– Да при чем тут женихи, Насть? – решительно мотнула головой девочка. – Я хочу свою колдовскую силу проверить! По всем известным правилам – она у меня должна быть. Но, как бы... Это же все сказки! Вроде как верить и хочется... Но только... Вот ты, подруга, ты в магию веришь?

– Нет, конечно, – опять зевнула Анастасия.

Насте было скучно. Она отлично понимала, что напрасно теряет время, что напрасно ехала в такую даль на чужую дачу, напрасно мерзла и сейчас напрасно мучается, оставшись среди ночи без сна.

Однако...

Однако ей очень не хотелось обижать свою единственную подругу, отказавшись поехать с ней в деревню «за компанию». Не так уж много у Насти имелось друзей, чтобы попусту ими разбрасываться... И потому девочка встряхнулась, мотнула головой и решительно заявила:

– Да, Мила, ты права, посмотреть интересно! Вдруг получится? Любопытство сгубило кошку. Ну давай, поджигай свои свечки, а то холодно! Попугаемся – и пойдем.

– Баня скоро отогреется, – пообещала ведьмина внучка. – Воздух уже теплый.

Ею вдруг овладела неуверенность. Всего несколько минут назад Умила мечтала о том, как все окажется правдой, как в ней обнаружится великий колдовской талант, как она уже завтра сквитается со всеми школьными обидчицами, каковые портили ей жизнь долгие восемь лет!

Но сейчас девочка вдруг осознала, насколько глупо выглядит в своих наивных попытках сделать сказку былью, с верой в старые деревенские приметы, гадания и колдовство! Что в реальности ничего подобного, конечно же, произойти не может, что это все чушь, бред и фантазии, что ничего не получится... Не будет ничего – кроме дыма, мерзлой бани и облезлого зеркала. И пусть ее подруга никогда не скажет об этом вслух и никому никогда не обмолвится о случившемся позорище – унижение все равно предстоит немаленькое.

– Да поджигай уже, Мила! – внезапно потребовала ее спутница. – Специально время тянешь?

Насте очень хотелось поскорее покончить с глупостями – и вернуться в теплый дом, к камину, телевизору и, пусть даже мобильному, интернету.

– Ладно, ладно, сейчас... – Умила выглянула в предбанник, взяла там табурет, поставила перед полками. Затем подобрала с пола длинную щелку с обрывками коры по краю, открыла дверцу, подождала эту лучину от жаркого пламени, после чего запалила от нее фитили свечей. Загасила щелку, зачем-то ее понохала. Откинула к печке и села на табурет.

– Что теперь? – встала за ее спиной Анастасия.

– Не знаю, – неуверенно ответила юная чародейка. – Бабушка мне никогда ничего не говорила. Скрывала. Говорю же, случайно про ее тайну узнала!

– Тогда чего мы тут делаем?

– Подожди, не мешай! – отмахнулась Умила. – Это же совсем простенький заговор, им в старину все девки подряд пользовались! А я есть внучка самой крутой на свете ведьмы! Если наш семейный дар действительно существует, должно и так получиться. Надо только как-то его запустить... процесс...

– Произнеси какую-нибудь ведьмину молитву!

– Сейчас, не дергай... – окрысилась Умила. – Дай подумать! Колдуньям ведь Сатана помогает, правильно? Значит, нужно обратиться к нему. Подожди... – Юная чародейка развела руки чуть в стороны, повернув ладонями вверх, высоко вскинула подбородок: – Взываю к тебе, хозяин тьмы! Взываю к тебе, хозяин ночи, взываю к тебе, повелитель духов, бесов и ведьмовства! Заклинаю тебя именем всемогущего бога, явись сюда пред мои очи!

– Мила, Мил... – осторожно перебила подругу Анастасия. – А тебе не кажется, что призывать дьявола именем бога... Э-э-э... Не совсем правильно? Это вроде как бы разные епархии... Да и вообще вызывать сатану не надо. Зачем он нам тут нужен? Вдруг ты и вправду ведьма, и он к тебе явится? Чего нам потом с ним делать?

– Да, точно... – согласилась юная колдунья и сходу подправила свое заклинание: – Взываю к тебе, властитель темных чар! Заклинаю тебя помочь мне с моим обрядом!

– А как мы пойдем, что у нас чего-то получается? – опять шепотом спросила ее спутница.

– В зеркале, в отражении должен появиться образ суженого, – ответила Умила и вдруг спохватилась: – Настя, свет выключи! По обряду должны гореть две свечи по сторонам от зеркала, и все. Лампочки не по правилам!

– Ага... – Девушка отступила к двери, щелкнула выключателем, и новоявленная чародейка снова зашептала:

– Я, колдунья Умила, дочь чародейки Доряны, твоей старинной служительницы, взываю к тебе, повелитель черной магии, хозяин ночи, властитель духов, бесов и ведьм! Снизойди к юной своей поклоннице, дай мне силу, мудрость и умение, помоги в малом волшебстве, дозволей подруге моей своего суженого в сем зеркале узреть!

– Почему только мне? – зашипела Анастасия.

– А ты что, хочешь устроить групповуху? – через плечо оглянулась на подругу ведьмина внучка. – Как мы разберемся, кто кому достанется, если заявятся сразу двое? Придется...

– Зе-еркало-о-о-о!!! – во весь голос заорала Анастасия, вытянув руку.

Умила резко развернулась, и остолбенела, точно замороженная волной ледяного озноба, пробежавшего по телу.

Она своими собственными глазами увидела, как прямо из темного стекла выскальзывает коротко стриженный мужчина в черной куртке и черных же штанах!

Нежданный гость рыбкой, словно бы из открытого окна, вынырнул из подсвеченного двумя огоньками отражения, тут же кувыркнулся вперед по темному полу и уже через миг выпрямился возле двери, с силой хлопнув ладонью по косяку! Развернулся, растянул бледные губы в широкой улыбке и с легкой хрипотцой пропел:

– Какая приятная, какая радостная, какая вкусная встреча, мои куколки! – невероятный гость был худощавым, остролицым, с глубоко сидящими глазами. И каким-то... вертлявым, словно выдернутый из земли на свет дождевой червяк. – Кстати, милые деточки, разве вы забыли, что при святочном гадании зеркало нужно опускать сразу, едва только в нем хоть кто-то появляется? Немедленно! Вы допустили прокол, мои милашки. Очень серьезный прокол, за который теперь придется хорошенько заплатить... – укоризненно пожурил девочек темный незнакомец.

– Ты кто такой?! – взвизгнула Анастасия, в ужасе шарахнувшись от гостя. Столь резко, что налетела на раскаленную печь, опять вскрикнула и отскочила еще дальше, с грохотом отбив ногой медную шайку с лежащим в ней медным же ковшом.

– Я медведь, моя милая, – подмигнул девушке остролицый гость, медленно придвигаясь к ней. – Я медведь, а ты мой ужин. Закон – тайга, и я прокурор. Такова колдовская жизнь... – Незнакомец подошел еще ближе, повел носом и вдруг недовольно нахмурился: – Стоп! Да ты, лупоглазка, похоже, простая смертная... – Он снова повел носом: – Да, точно! Ты не ведьма, ты обычный человек. Все ведьмы пахнут озоном, а ты воняешь мокрой шерстью, как уличная псина.

Тем временем Умила, справившись с парализующим ознобом, осторожно, крадучись, почти неслышно, пробралась за его спиной к двери, потянула ручку...

Но створка – не поддавалась! Вестимо, хлопок ладони незваного гостя каким-то образом ее заклинил.

Девочка потянула дверь снова, потом сильнее. А когда стало ясно, что вырваться не получится – огляделась, на миг замерла. Затем быстро наклонилась, схватила шайку, размахнулась что есть мочи и...

Ее удар пришелся в пустоту!

– Оп-па, а это кто у нас такой храбрый? – Сильная рука сжала горло ведьминой внучки, оторвала девочку от пола. Остролицый гость принялся... Еще раз... И прищелкнул языком: – Вот ты и нашелся, нежный аромат послегрозово-свежести! Сочненькая, молоденькая, аппетитная ве-е-едьмочка! Привет, красотка! Полагаю, ты тоже рада нашему знакомству?

– Да кто ты такой?.. – дергая в воздухе ногами, прохрипела восьмиклассница. – Чего тебе надо?..

– Того же, чего и всем, – склонил голову набок остролицый. – Мне хочется кушать.

– Ты людоед?

– Нет, милая, конечно, нет, – добродушно засмеялся гость. – Я не людоед, я ведьмояд. Я кушаю только ведьм. Ведьм, магов, экстрасенсов, оборотней. На худой конец закусываю гадалками. В общем, всеми, у кого есть сила.

– Какая... сила? – У девочки перед глазами замелькали мелкие искорки. Она уже почти задыхалась.

– Все очень просто... – Гость прошел чуть вперед, опустил жертву на ноги, прижал спиной к двери, слегка ослабил хватку и наклонился к самому лицу Умилы. Он явно наслаждался своей полной и безраздельной властью над беззащитной девочкой... – Ты помнишь школьные уроки биологии, милая чародейка? Помнишь, что такое «обычная пищевая цепочка»? Травка питается водой и светом, зебры и газели кушают траву, львы жрут газелей, люди охотятся на львов, колдуны впитывают людскую силу, а я употребляю колдунов. Вершина пищевой пирамиды. Теперь ты знаешь все, моя вкусняшка! Ты познала главную великую истину, красотка! Ну как, малышка, тебе стало легче? Ибо настало самое время отправляться на небеса...

– Вообще-то, при появлении в отражении чужаков зеркала нужно сразу, немедленно опускаться стеклом вниз... – внезапно прозвучал за его спиной мужской голос.

Глаза остролицего гостя округлились от ужаса. Он стремительно выхватил из-за пазухи длинный вороненый нож, резко повернулся... Но сделать ничего не успел. На его затылок легла сильная рука, рванула голову влево, по ногам ударила подсечка. Самоуверенный «медведь» потерял равновесие, опрокинулся набок, и в его горло жадно впились острые крепкие зубы.

Послышался хрип, тело тощего чужака забилось в судороге, скрюченные пальцы попытались схватить воздух... Но ничего не поймали.

Остролицый гость брыкнул ногами, потом еще раз, выгнулся дугой... Но уже через несколько мгновений все прекратилось. Жертва обмякла, повисла тряпкой, ее руки бессильно ударились о влажные доски пола.

Второй незнакомец наконец-то оторвался от горла остролицего, вскинул голову, с явным наслаждением втянул носом воздух и повел плечами. Казалось – он вот-вот замурлыкает от удовольствия.

Сладко зевнув, новый гость отпустил тело жертвы, дав ему просто рухнуть на пол, и распрямился.

Посмотрел прямо в глаза ведьминой внучке.

И тогда Умила завизжала – в том слепом предсмертном отчаянии, с каким визжит поросенок, оказавшийся в безжалостных когтях матерого тигра!

– Перестань орать, ненормальная! – поморщившись, взмолился мужчина. – Оглохнуть же можно!

– Ты вампир?! – довольно громко сглотнула забившаяся в дальний угол Анастасия.

Незнакомец вскинул подбородок, чуть принюхался и отмахнулся:

– Расслабьтесь, сударыня, мы не едим смертных. У вас энергетика, как у лесной черники. Сколько вас ни лопай, все едино голодным останешься. Охота на смертных себя не оправдывает. Ифриты ловят только магических тварей. Желательно самых сильных и неодолимых... – Незванный гость негромко фыркнул носом и облизнулся: – Самые вкусные обычно те, что ощущают себя непобедимыми и всемогущими!

На вид ему было лет тридцать. Короткая стрижка, широкий подбородок, впалые щеки, чуть приплюснутый нос, густые брови. Изрядно потертая кожаная куртка-косуха с клепками – шипами придавала незнакомцу опасный вид, а многочисленные шрамы на кистях рук подсказывали, что мужчина побывал во многих серьезных переделках.

Внезапно в баньке наступила оглушительная тишина.

Но не потому, что Умила осмелела. Просто у нее в легких закончился воздух.

Юная ведьмочка перевела дыхание и торопливо призналась:

– Я очень слабенькая, вампир!!! Я вообще не ведьма!! Я первый раз в жизни колдовать попробовала!

– Это заметно, – согласился мужчина. – Ты ведешь себя совершенно бездумно. Ты подобна крохотному пушистому ягненку, который вышел на опушку к густому черному лесу и заблеял там во все свое счастливое горло, радуясь красоте окружающего мира! – Нежданный гость широко и зловеще ухмыльнулся: – Как ты понимаешь, все волки, медведи, рыси, росо-

махи и тигры на много, много верст окрест этому призыву несказанно обрадовались! Странно, что я успел сюда вторым, а не пятнадцатым или двухсотым. И вам очень повезло, что первый из хищников не догадался опустить за собой зеркало. Но не станем его осуждать. Он был молод и неопытен. Или просто невнимателен. Такие в нашем мире долго не живут.

Ифрит присел возле бездыханного остроносого тела, расстегнул на нем куртку, разорвал футболку под ней, начертил сжатыми пальцами какой-то знак, накрыл его ладонью, забормотал что-то про текущие воды и бьющие родники...

– Что ты делаешь? – опасливо спросила Умила, как можно незаметнее дергая ручку у себя за спиной. Но дверь по-прежнему не поддавалась.

– Творю заклинание свободной воды, – напевно ответил мужчина. – Оно быстро испаряет любую жидкость, насколько хватает вложенной в руну силы. Поскольку тело человека на восемьдесят процентов состоит из воды, а плюс к тому заклинание действует еще на кое-какое содержимое... В общем, в итоге от тушки останется совсем небольшой сухарик. Или ты хочешь оставить труп себе на память?

– Нет, не хочу! – торопливо мотнула головой ведьмина внучка.

– Правильно, юная волшебница, – одобрительно кивнул гость. – Первейшее правило магического мира гласит, что за собою нужно оставлять как можно меньше следов. Любых следов! Ибо вокруг бродит слишком много голодных хищников. И должен заметить, я среди них далеко не самый опасный. Странно, что твоя бабушка тебя об этом не предупредила. Ты ведь наследная ведьма, как я понимаю?

– Она мне вообще ничего не говорила... – угрюмо призналась девушка. – Я про бабкину тайну случайно узнала...

– Тоже вариант, – пожал плечами мужчина. – Если не пускать ребенка в лес, то и бояться нечего. Непонятно только, кому бы она тогда свою силу на смертном одре отдала? Родовой колдунье без наследницы ни пожить, ни умереть толком не получится...

– Я не покажу тебе своей бабушки, вампир! – резко набычилась ведьмина внучка. – Убей меня, если хочешь, но своей бабушки я тебе не выдам!

– Молодец, хорошо соображаешь, – ничуть не рассердившись, распрямился над мертвецом новый гость. – Но, во-первых, я не вампир, а ифрит! Мы не пьем крови, мы обходимся только энергетикой. Во-вторых, лучше зови меня просто Михаилом. А в-третьих... – Мужчина сунул руку за пазуху, а потом вытянул к ней. – Вот, возьми голодный клык, Надень на шею, под одежду, он должен касаться тела. Этот амулет спрячет твой ведьмин запах. Загасит колдовскую ауру. А то вокруг тебя только что образовалось целое облако послегрозово-свежести. Любой, случайно оказавшийся поблизости упырь моментально стойку сделает. Или ты хочешь завести сегодня еще несколько новых знакомств и пережить массу незабываемых приключений? Хотя, скорее, «не пережить».

На пальцах Михаила покачивалось овальное украшение, очень похожее на костяную пластинку с несколькими серебряными цепочками, сходящимися от краев к центру, к желтому янтарному шарiku. Из-под цепочек выглядывал пучок разноцветных перьев, явно нащипанных у волнистых попугайчиков.

– Так ты меня не съешь? – осторожно уточнила Умила, и в голосе девочки прозвучало даже некоторое удивление.

– Спасибо, я сыт, – указал тот головою на пол, на уже сильно опавшее тело первого из незваных гостей. – Так что можешь не психовать, кушать тебя не стану. Однако не хочу, чтобы это сделал кто-то другой. Будет обидно. Ведь я нашел тебя первым!

– Он тебя, Мила, на мясо откормить хочет, – внезапно наполнила о себе Анастасия из темного угла за печью. – Сегодня от других защитит, а завтра, как проголодается, сам слопают.

– Устами младенца глаголет истина! – криво усмехнулся ифрит и подмигнул юной чародейке: – Скажи нам, волшебница, ты желаешь оказаться чьей-то едой прямо сегодня, или пред-

почтешь стать обедом когда-нибудь потом, спустя месяцы, дни или годы, если очень сильно не повезет?

Умила колебалась всего мгновение – после чего приняла амулет и повесила себе на шею, спрятав украшение под ворот.

– Быстро соображаешь, ведьмочка, – снова похвалил ее Михаил. – Если так и дальше пойдет, ты еще и меня переживешь.

– Я не ведьмочка, меня зовут Умила! – вскинула подбородок девочка.

– И это тоже верный ход. Сожрать чародея, которого ты знаешь по имени, психологически труднее, нежели некую неведомую анонимную тварь... – Ифрит присел на колени возле одежды первого гостя. Раскрыл куртку, чуть потряс, удовлетворенно кивнул: – Ну, вот и все, готово. Сухарик. После заклинания воды даже кости рассыпаются в труху. Наверное, казеин выпаривается вместе с прочей жидкостью. Но во избежание лишних вопросов...

Михаил спрятал куда-то за пазуху вороненый нож своей жертвы, скатал запыленную одежду в валик, распрямился, открыл дверцу печи и метнул последние следы существования остроносого парня туда. Задумчиво посмотрел на пламя и вздохнул:

– У меня для вас есть два известия, девочки, одно хорошее и одно плохое. Вам какое озвучить первым?

– Лучше хорошее... – попросила ведьмина внучка. – Плохих мне на сегодня уже хватит.

– Вам обеим сегодня страшно повезло, – поведал ей Михаил. – Несмотря на все свои старания, вы все-таки остались в живых.

– Тогда что для нас может случиться плохого? – спросила из сумрачного угла Настя.

– Плохо то, что ближайшие день-другой зеркало в вашей баньке лучше не поднимать, – ответил ифрит. – Из него могут полезть такие твари, что не справлюсь даже я. Скажу больше. Всем нам троим пару дней лучше всего вообще не приближаться ни к каким отражающим поверхностям в радиусе полукилометра. Могут заметить. Уж очень сильно вы нашумели своим призывным гимном. Так что выбираться отсюда придется каким-нибудь скучным и медленным земным образом. Надеюсь, некий цивилизованный транспорт у вас имеется?

– Билет на автобус, – буркнула Анастасия.

– Может, хотя бы, такси? – с надеждой спросил мужчина.

– Попробуйте. Будет интересно посмотреть, – многозначительно произнесла девочка.

– Да-а, без зеркал тяжело... – заметно погрузился незванный гость.

– А ты что, Михаил, перемещаешься с помощью зеркал? – заинтересовалась Умила.

Девочка окончательно осознала, что убивать ее никто не станет, и бездонный ужас в ее душе сменился столь же бесконечным облегчением, больше похожим на эйфорию. Чародейка еще не поняла, во что именно ввязалась – но уже успела поддаться безмерному девичьему любопытству.

– Разумеется, – кивнул ифрит. – Быстро и удобно. Особенно зимой. Перескакиваешь сразу из тепла в тепло.

– А это трудно?

Мужчина с явным интересом посмотрел на ведьмину внучку, слабо усмехнулся:

– Пока не попробуешь, юная волшебница, не узнаешь...

– Он склонил голову набок, оглядывая ее нескладную костлявую фигуру, и вдруг предложил: – Хочешь, малышка, я тебя этому научу?

*...А потом прошло двадцать лет.*

## Часть первая Голодное время

### Охота на живца

В тихих просторных залах, раскинувшихся в бывших цехах ковровых мастерских, слабо пахло камфорой и дегтем, маслом, смолой и конечно же – пылью; вековой пылью, въевшейся в стены, потолки, в бетонный пол. Пылью, прячущейся под штукатуркой, под натяжными потолками, под утеплителем и ламинатом – но все равно неведомым образом проникающей в воздух.

Возможно, именно для того, чтобы скрыть эту тончайшую труху, витающую везде и всюду, хозяйка галереи и поддерживала в залах легкий полумрак, из которого черные софиты выхватывали яркими овалами висящие тут и там дивные картины: пейзажи, портреты, натюрморты, маринистику – все попеременно.

Время от времени в конусах света появлялись люди – чаще всего парами. Всмотривались в мазки, читали имена художников, любовались произведениями, после чего исчезали в полумраке... Дабы вскоре снова проявиться в другом пучке света.

В дальнем от гардероба углу приоткрылась неприметная дверь, выкрашенная в цвет стены, и в зал бесшумно скользнула женщина лет тридцати в свободном хлопчатом комбинезоне и плотно закрывающем голову платке. Пересекла было галерею – но внезапно замедлила шаг и повернулась к невысокой и хорошо упитанной густогривой даме в суженных книзу брюках-«бананах» и в коротком жакете крупной вязки, наброшенном поверх светлой полосатой рубашки.

– Хорошего вам дня, сударыня, – слегка склонила голову женщина. – Вы правильно выбрали нашу галерею, у нас демонстрируются самые лучшие современные художники. С радостью помогу новому посетителю с выбором. Картина нужна вам для подарка, для настроения, для дизайна или просто заполнить пространство и закрыть дырку на обоях? В этих залах выставлено далеко не все. Часть картин еще не оформлена, часть просто не нашла своего места. Но если я пойму, какая тематика вам интересна, то значительно расширю ваш выбор.

– Картинами из запасников? – Возможная покупательница окинула собеседницу взглядом, полным сомнений.

– Да-да, я понимаю, – широко улыбнулась женщина в комбинезоне. – Прошу прощения за мой внешний вид, но, помимо торговли, мы пытаемся заниматься реставрацией, а в этой работе без подобных костюмов не обойтись. Выщипывание гнилых участков, обдирание щетками рам и полотна, отчего летят тучи мелкой пыли, обратное наращивание материала – тоже, практически, напыление. Хочешь не хочешь, но приходится наряжаться космонавтом. Потом идет восстановление красочного слоя. Уж не знаю, что при этом важнее: не вымазаться самой или не испортить старинные работы? В общем...

Она вскинула руки, демонстрируя свой странный наряд.

– У вас очень широкие интересы, – понимающе кивнула гривастая дама. – Я так полагаю, вы и есть Умила Сохо, хозяйка галереи? Правильно? Мое имя Елена Никонова, я диетолог...

Покупательница дружелюбно протянула руку.

– Прошу прощения... – Умила показала ладони, обтянутые рыхлым белым хлопком со множеством мелких цветных пятнышек. – Перчатки не снимаю. Краска свежая, не хочу вас испачкать. Но с радостью помогу с выбором. Так что именно вас интересует?

– Говоря по совести, госпожа Сохо, я пришла к вам, а не к картинам, – призналась толстушка. – Я много раз слышала, что вы знакомы... – Гостья замаялась, подбирая слова. – Как бы

это сказать... Что вы не чужды тайного знания... Что вы очень многим людям оказали помощь в их житейских неприятностях. В общем, многие говорят, что вы есть достойная наследница знаменитой чародейки Доряны!

– Моя бабушка отошла от сего ремесла еще задолго до моего рождения, уважаемая Елена, – слегка поморщилась хозяйка галереи. – Очень, очень хлопотное занятие. Мне оно тоже совсем не нравится.

– Но вы им все-таки занимаетесь, досточтимая Умила?

– с нажимом поинтересовалась клиентка. – Многие люди благодарны вам за это. Я слышала весьма эмоциональные отзывы.

– Это очень хлопотное занятие, – повторила хозяйка галереи. – Мне оно, как я уже сказала, не нравится. Но иногда, ради хороших друзей, я позволяю себе потратить несколько часов на невинную поверхностную ворожбу...

Галерейщица многозначительно улыбнулась.

– Как же стать вашим хорошим другом? – сразу поняла совершенно прозрачный намек дама.

– Все покупатели моей галереи – мои лучшие друзья!

– широко развела руками ведьмина внучка. – Просто скажите, какую картину вам хотелось бы приобрести? Жанр, стиль, эпоху. Можете не беспокоиться, я не держу у себя подмазков. Каждое из находящихся здесь полотен стоит своих денег!

– Но-о... – замялась диетолог. – Сколько стоит приворожить мужа?

– Магия не продается, уважаемая Елена, – отрицательно покачала головой хозяйка галереи. – По древнему поверью, любой чародей, взявший плату за свое ремесло, лишается колдовской силы. Поэтому ведьмы предпочитают не рисковать. Если они и помогают, то только бескорыстно и исключительно по чистой доброй воле.

– Значит, если я куплю какую-то из картин... – многозначительно начала гривастая дама.

– О-о, вы сделаете весьма благородный жест! – немедленно оживилась Умила. – Понимаете, я решила посвятить всю себя поддержке молодых дарований. Согласитесь, в нашем мире развелось слишком много позорного убожества вроде зеленых квадратов, лубочных матросов и примитивистской геометрии. А ведь так хочется снова вдохнуть грудью настоящего, истинного искусства! Если вы купите одну из этих картин, то получите во владение крупицу таланта, поддержите художника, а также компенсируете часть затрат на содержание моей галереи. Признаюсь честно, это далеко не дешевое удовольствие. И конечно же, вы станете здесь желанным гостем и моей подругой! А для друзей я готова на очень, очень многие, совершенно бескорыстные поступки... – многозначительно закончила госпожа Сохо.

– То есть, если я сделаю бескорыстный взнос в пользу вашей галереи, вы бескорыстно поможете мне с мужем? – опять переспросила Елена.

– За добро нужно платить добром, – с легкостью подтвердила хозяйка. – Какие тут могут быть счета?

– А если для начала мне захочется узнать, насколько хорошо вы умеете смотреть в воду? – вкрадчиво поинтересовалась толстуха. – Насколько велик должен быть добровольный вклад в вашу галерею для подобного чародейства?

– У меня есть прекрасные акварели, дорогая Елена! – вскинула хозяйка одетые в хлопок указательные пальцы. – Всего по шесть тысяч рублей каждая, включая цену рамки и стекла! После чего мы сможем с большим удовольствием обсудить нашу сделку за бокалом вина, и в нашей дружеской беседе я смогу пересказать вам весь ваш сегодняшний день с утра и до нашей встречи. Или заглянуть в любой иной день по вашему выбору.

– Шесть тысяч? – изумилась дама. – За простую ворожбу?

– За прекрасную, уникальную, талантливую акварель, – вдохновенно поправила ее ведьмина внучка. И не преминула напомнить еще раз: – Кстати, в эту стоимость включена цена

рамки со стеклом! Само собой, деньги достанутся не мне, они предназначены художнику. А я ведьма. Я не беру платы. Все мои услуги прилагаются бесплатно.

– Но без этих шести тысяч я их не получу? – вопросительно вскинула брови гривастая дама.

– Елена, давайте посмотрим на эту проблему с другой стороны. – Умила сложила ладони перед собой. – Возвращение мужа – это достаточно хлопотная работа. Для начала нужно разобраться в причинах. Ведь это может быть поклад, сглаз, порча, наговор, болезнь, приворот или любовь на стороне. С последним раскладом разобраться проще всего. Достаточно сделать отсушку, после чего мужик практически всегда сам бодрым козликотом скачет домой. Ведь куда проще вернуть старую жизнь, нежели начинать новую с нуля. Хуже всего с болячками. Мужики нередко отваливают просто потому, что боятся показаться слабыми. Им намного проще соврать про любовницу, нежели признаться в импотенции. А это беда! Пока супруг не вылечится, он не вернется. А ведь я всего лишь чародейка, я не доктор. – Хозяйка галереи развела руками и тягостно вздохнула: – В общем... Неделя работы как минимум. И это только, чтобы разобраться во всех мелочах! Плюс нужно найти решение. И воплотить. Считайте, половина месяца кропотливого внимания к вашей напасти. Так что, если вам не по средствам компенсировать галерею мое долгое отсутствие... – Умила сделала многозначительную паузу. – Тогда, может быть, не станем и начинать?

– Хорошо, шесть тысяч, – после краткого колебания согласилась толстушка. – Карты принимаете?

– Разумеется! – явственно обрадовалась хозяйка. – У меня же все официально! Магазин картин, скупка, продажа, налоги, страховые взносы и пожарная инспекция. И само собой, банковский терминал. Давайте, Елена, я покажу вам собрание акварелей. Вы выберете для себя самую лучшую, себе по душе.

– Я доверяю вашему вкусу, госпожа Сохо, – отмахнулась толстушка. – Вы ведь искусствовед?

– Тогда давайте пройдем ко мне в кабинет, – словно бы не услышала последнего вопроса Умила. – Терминал находится там.

– В офис? Это даже лучше, – заметно оживилась покупательница. – Пошли!

Кабинет хозяйки галереи больше всего походил на будуар: обитые малиновым шелком стены с проставками из резной вишни, красные бархатные шторы, бордовые ковры на полу, обитый рубиновым сукном монументальный стол напротив входа – украшенный тяжелым эбонитовым телефоном и столь же массивной бронзовой лампой со стеклянным абажуром; кресло и стулья с отделкой в тон столу, и бежевая ширма, отгораживающая треть комнаты в углу у дверей. И само собою, тут и там висели несколько картин, вычурным стилем напоминающие о далекой эпохе непревзойденной Екатерины.

– Сейчас мы все подготовим... – нараспев пообещала Умила. Она перегнулась через стол, достала банковский терминал, что-то на нем набрала и подвинула в сторону клиентки: – Вот, пожалуйста, шесть тысяч рублей за покупку акварели «Весна».

Покупательница вставила свою карту, набрала код. Чуть выждала. Кивнула, извлекла и спрятала пластиковый прямоугольник обратно в бумажник.

– Очаровательно... – Хозяйка галереи убрала терминал и указала пальцем на ширму. – Вы не возражаете, Елена, если я отлучусь и скину свой страшный комбез? Вы пока присаживайтесь, это займет не больше минуты.

Ведьмина внучка скрылась за ширмой, оставив гостью осматриваться, и действительно очень быстро вернулась, теперь уже одетая в серое платье из плотного трикотажа. При всей показной скромности сей наряд настолько тесно облегал тело женщины, что да – иных украшений и не требовалось. Ибо Умила Сохо оказалась чертовки хороша собой. Широкие бедра, плавно очерченная талия, на удивление ровный живот и соблазнительно выпирающая грудь.

Толстушка аж закашлялась от подобного зрелища и поспешно отвернулась. Поэтому госпожа диетолог так и не узнала, откуда хозяйка взяла глубокую деревянную миску, к тому же почти до краев наполненную прозрачной холодной водой.

– Для заглядывания на судьбу нужен волос, – деловито сообщила ведьмина внучка. – Вернее, нужна любая плоть. Но не стану же я требовать вашей крови или отрезанного пальца? Волоса вполне хватит. Можно использовать даже выпавший. Они выпадают у всех людей практически постоянно. Хотите, поищу у вас на плечах?

В ответ женщина молча выдернула из себя волосок и протянула хозяйке.

– Если не сложно, опустите ладонь в воду и немного ее покружите, – попросила Умила.

Гостья послушалась, но спросила:

– Миска бабушкина?

– Нет, на заказ вырезали, – мотнула головой Умила. – Старую липу в прошлом году на кладбище свалили. Я у мужиков небольшой чурбачок и попросила. Бабушкины вещи я берегу. Все же память.

– В кладбищенском дереве особая энергетика? – подняла глаза диетолог.

– Не знаю, – пожала плечами ведьмина внучка, доставая из ящика свечу. – Это была просто толстая липа с ровной здоровой древесиной. И она очень вовремя подвернулась под руку. В наше время не так просто найти хороший природный материал для фигурной резьбы.

Умила начертала свечою в воздухе какой-то знак, и фитиль вспыхнул сам собой.

Однако сей фокус выглядел настолько банально, что обе женщины не обратили на него особого внимания. Умила лишь спросила:

– Смотрим сегодня?

– Да, – согласно кивнула толстушка.

Хозяйка галереи внесла волос в пламя, дала скрутиться, а потом растерла пепел между пальцами, высыпая в миску и негромко нашептывая:

– Встану не облачась, выйду не помолясь, не дверьми-воротами, а мышшиной норой, темным подполом, окладным бревном. Спущусь в овраг бурьяный, склонюсь над ручьем тенистым. Ты, вода холодная, ты, вода глубокая. Ты лилась дождем, ты текла из-за гор, густыми лесами, широкими полями, умывала камни, поила травы, отражала небо. Ты везде побывала, ты все повидала. Расскажи мне, вода, где сей волос сегодня бывал? Покажи мне, вода, что сей волос сегодня повидал?

Ведьмина внучка провела ладонью над подернутой пылью поверхностью, наклонилась над миской...

Толстушка вытянула шею, тоже пытаясь заглянуть в деревянную емкость, однако ничего не разобрала. Между тем, Умила смотрела в воду с интересом, время от времени произнося короткие фразы, словно бы проговаривая вслух невнятные мысли:

– Асфальт, автобус, пятиэтажки... Ничего приметного... Мужик с густой бородой... Платформа... Шестьдесят седьмой километр... Две крикливые девки в красных куртках... Кажется, они разговаривают, не вынимая из ушей наушников... Лучше сесть в другой вагон, не то станут орать всю дорогу... Вагон старый... Но скамейки после ремонта, обиты дерматином... Коричневым... Напротив тетка в пальто с настоящим меховым воротником. Странно, что при песце на входе она не имеет машины... Ну да, к ней уже прижался небритый бомжара в грязном тряпье... Теперь песец станет вонять тухлятиной... Бомжара идет ближе... Я бы отпихнула... О, дачник с аккордеоном... Не знала, что они еще существуют...

– Достаточно! – Толстушка придвинула стул ближе к столу, села и наклонилась вперед, опершись локтями о столешницу. – Я верю. Столько мелочей невозможно угадать. Ты действительно способна смотреть в воду, великая Умила Сохо! Ты на самом деле ведьма! Ты и вправду самая настоящая колдунья. Одно только остается непонятно... Почему ты до сих пор жива?!!

Гривастая дама стремительным рывком схватила хозяйку за левое запястье сразу двумя руками и...

И тут же с воплем отдернула ладони, словно бы обжегшись:

– Что это?! – Она смотрела на свои ладони с таким ужасом, будто те густо задымились.

– Ничего особенного, самодельный крем для рук, – ехидно ухмыльнулась Умила. – Масляно-восковая основа, немного сока из корня лопуха, чуть-чуть отвара копытня, самая чуточка серебряной пыли и настой вербены. Но вы не беспокойтесь, Елена, для людей крем совершенно безвреден. Он опасен только для вампиров. Серебро вызывает у них чувство сильного жжения, а растительная смесь приводит к онемению мышц, головокружению, потере координации. В общем, целый букет всяких пакостей. Особенно, если упырь собрался кого-то сожрать и хорошенько всосал эту гадость вместо ожидаемой магической силы.

– Ты... Ты... – Толстуха попыталась вскочить, но потеряла равновесие. Сделала несколько шагов в сторону, повернулась, взмахнула руками. Попятившись, врезалась спиной в стену и зло оттуда выдохнула: – Гнусная ведьма! Погань лупоглазая...

– Приятно видеть, упырь, как тебе понравилось мое лечение! – Умила с интересом склонила голову набок: – С вербеной не перебор?

Толстуха выпрямилась. Хищно уставилась ей в глаза. Сделала три глубоких вдоха и выдоха, сунула руку под кофту, выхватила нож и кинулась вперед.

Ведьма испуганно вскрикнула, быстро выдвинула верхний ящик, выхватила из него трехгранный стилет – но диетолог промахнулась, набежав не на Умилу, а со всего разбега врезавшись в край стола. От удара вампирша потеряла равновесие и грохнулась на пол.

– Я убью тебя, гнусная тварь! – откуда-то прошипела снизу гостья.

– Успехов, сударыня! – Ведьма с облегчением бросила оружие обратно в ящик, села в кресло, вскинула к уху прямоугольник телефона, недовольно рявкнула: – Где тебя носит, Сислей тебя побери?! Минут через пять она начнет приходить в себя!

– Сейчас! Сейчас! – с пытением ответила трубка. – Тут нет зеркал! В туалет бегу!

– Ну так шевели лапками!

Диетолог тем временем кое-как поднялась, попыталась устремиться к двери – но толстуху опять повело в сторону, и она обеими руками оперлась на подоконник.

– Все равно убью! – пообещала вампирша, тяжело дыша.

– А еще у меня за ширмой зеркало, – мстительно добавила галерейщица.

Как раз в этот миг легкая загородка вздрогнула, из-за нее к гривастой даме шагнул невысокий, неброский, коротко стриженный мужчина в вытертой кожаной куртке, крепко обнял упыриху за плечо, сильным движением рванул к себе, опрокидывая лицом вверх, и вцепился ей зубами в горло.

Толстуха взбрыкнулась, выгнулась дугой, взмахнула в воздухе руками, словно царапая воздух полусогнутыми пальцами – и обмякла. Беспольный нож громко стукнулся об пол.

Еще несколько мгновений – и хищный гость разжал руки, ронив опустошенную жертву на пол. Распрямылся и сладко, сильно, до хруста костей, с огромным удовольствием потянулся.

– Как же это хорошо! – громко прошептал он. – А то у меня, грешным делом, уже жилы от голода крутить начало...

– Карточка, карточка, карточка... – шустро метнулась к телу диетолога хозяйка галереи, выдернула из кармана вампирши бумажник, перебежала обратно к столу, перегнулась через него, достала с подставки ноутбук, подняла его панель. – Сейчас пин-код на записи посмотрим...

– Ай-яй-яй, волшебница, – укоризненно покачал головой мужчина. – Как нехорошо заниматься мародерством!

– Ага, Миша, тебе хорошо говорить! – отмахнулась Умила, не отрывая взгляда от экрана. – У тебя гостиничный бизнес в триста лет длиной, а у меня от галереи убытков втрое больше, чем дохода. Как могу, так и выкручиваюсь!

– Не триста лет, а двести, – невозмутимо поправил ее мужчина. – Триста лет назад я еще хвосты коровам в деревне крутил, да на пастушьей дудочке играл. И вообще! Кто тебя заставляет мучиться с этой мазней? Займись нормальной работой, что тебе мешает?

– Кто-то в нашем мире должен думать не только о своем брюхе, ифрит. – Женщина покрутила перед глазами карточку и сунула ее в терминал. – Если мы не станем помогать нормальным художникам пробиваться в люди, наверх опять выползут всякие кубисты и примитивисты. Опять же, городу нужна обычная светская жизнь. Рауты, презентации, балы. И сие тоже есть сплошные расходы для бескорыстных спонсоров вроде меня!

– Да-да, как же городу-то без балов и раутов? – криво усмехнулся Михаил. – Он вымрет, словно стадо динозавров!

– Именно вымрет! – возмущенно мотнула головой ведьмина внучка. – Людям требуется личное общение, а не только жратва и интернет! Кстати, нежить ты вечно голодная, добрую половину твоих жертв мы нашли как раз на этих раутах... Так что мог бы и спасибо сказать.

– Спасибо, моя непревзойденная чародейка, – слегка поклонился хозяйке ифрит. Но тут его взгляд упал на жертву, и Михаил удивленно хмыкнул: – На вид тетке лет сорок, должна быть опытной и сильной тварью! А на вкус всего лишь пескарь... Энергетика, как у малолетки. Ты в сравнении с нею могучая антилопа. И попалась вампирша слишком легко. Как ты ее вычислила?

– Нормальные люди, приходя в галерею, смотрят на картины. Пусть и без восторга, но смотрят. А эта интересовалась только людьми, – глухо стуча пальчиками по кнопкам клавиатуры, объяснила ведьма. – Принюхивалась, присматривалась... И к тому же, старалась к ним незаметно прикоснуться. Сразу понятно, что на охоте... Есть, открылась! – Умила радостно вскинула руки и тут же опустила: – У-у-у, да у нее всего сорок тысяч на счету! Понятно, почему так жмотилась. Сейча-ас, оформлю покупку репродукции Рубенса. Диетологу Рубенс должен нравиться...

– В ее возрасте упырь должен понимать, что, если ведьма не прячется, значит, есть какой-то подвох, – задумчиво потер подбородок ифрит. – Но она все равно полезла в капкан! Похоже, толстуха жутко недоедала. Потому и высосать из нее почти ничего не удалось, потому и на риск пошла. С голодухи недолго и свихнуться. – Мужчина прикусил губу и мотнул головой: – Да-а, грядут голодные времена. Охотников ныне стало куда как больше, нежели добычи. Скоро начнем целой стаей на каждую гадалку кидаться.

Умила ощутило напряглась, подняла глаза на Михаила.

– Надо выяснить, какая у нее машина, и отогнать подальше. – Ифрит опустил перед жертвой на колено. – Если возле галереи найдут тачку пропавшей женщины, это может вызвать подозрение.

– Я на нее в воду смотрела. Она без автомобиля, – ответила ведьмина внучка и спохватилась: – Кстати, Миша, ты не мог бы по этой карте купить что-нибудь в другом городе, желательно в каком-нибудь придорожном магазине? На тот случай, если вампиршу все же станут искать? Ну, чтобы след обрывался не здесь, а где-нибудь в стороне. Я тысячу с мелочью на счете оставила, как раз на какие-нибудь сосиски хватит, банку пива и упаковку прокладок. Пусть все выглядит, как обычное затаривание к ужину.

– Подставляешь, волшебница? – обшарив толстуху, распрямылся ифрит. – А вдруг я с женским именем на карточке на видео попаду? Я ведь на эту кобылу даже близко не похож!

– У тебя же друзья в ментуре! Как-нибудь отмажут, – пожалала плечами Умила.

В тот же миг из кармана Михаила послышались раздражающие скрипичные гаммы. Мужчина достал смартфон, глянул на экран и недовольно скривился:

– Ты настоящая ведьма, моя девочка. Накаркала! – Ифрит поднес трубку к уху: – Хорошего дня, майор! Давненько вы про меня не вспоминали. Очень рад за успехи вашего следственного отдела, но мне, честно говоря, немного обидно.

– Миша, мне сейчас не до смеха, – устало ответил ему мужской голос. – У нас явный «глухарь». Поможешь?

– Само собой. Адрес?

– Соборная, девятнадцать. Я здесь. Осматриваюсь еще раз...

– Понял, скоро буду. – Ифрит отключил связь и пожал плечами: – Похоже, мой сегодняшний вечер пропал. Придется общаться с полицией.

– Жалко, – глубоко вздохнула женщина. – А я так хотела тебя пригласить...

– Только не говори, что на свидание. – Мельком глянув на Умилу, он опустил ее возле жертвы на колени. – Первое свидание после двадцати лет знакомства – это слишком романтично.

– Ну, если романтику опустить, то я опять разлаялась с хахалем и мне потребен упакованный самец для посещения раута в иранском консульстве. – Хозяйка галереи вся скривилась и сморщилась, старательно изображая приклатненную девицу.

– Понял, не дурак. – Ифрит прихватил усопшую толстушку за шиворот и поволол за ширму. – Постараюсь успеть.

– Там ждут к шести! – торопливо сообщила женщина.

– Сиречь, опаздывать можно до семи, – сделал вывод Михаил, перехватил свою обвисшую жертву под мышки, приподнял выше и через спину опрокинулся в высокое, от пола до потолка, зеркало.

– Щ-щ-щёрт! – выдохнула ему вслед ведьма, подошла ближе к стене и осторожно потрогала кончиками пальцев холодное стекло. Снова глубоко вздохнула.

Вопреки обещаниям ифрита, за минувшие двадцать лет он так и не научил Умилу путешествовать через зеркала...

Впрочем, Михаил ничуть ее не обманывал. Он много раз пытался объяснить девушке, как именно нужно входить в отражение, как представлять место, куда желаешь попасть, много раз таскал ее с собой, демонстрируя простоту упражнения. Но – увы. Проникать в зеркала самостоятельно у ведьмы так и не получалось. То ли у нее не хватало силы для прокалывания перехода, то ли недоставало какой-то мелочи среди ее врожденных чародейских талантов – но гляцевая поверхность так и осталась для Умилы твердым непреодолимым препятствием.

Однако больше всего тревожило чародейку вовсе не это. Ее тревожило то, что всякого рода упыри, колдуны и экстрасенсы появлялись в картинной галерее все реже и реже. Ифрит уже не раз сетовал, что «наступает голодное время», и каждый раз при этих словах сердце женщины сжималось от страха, словно стиснутое в призрачном кулаке.

Чем дальше, тем сильнее Умила понимала, что совершенно не умеет жить одна!

Поначалу в отношениях юной ведьмы и бывшего ифрита все складывалось, как в чудесной сказке. Неопытная чародейка совершала ошибки, выдавая себя хищникам – Михаил же неизменно отлавливал уже капающих слюной охотников, оказавшихся рядом с девочкой. И благодаря этому постоянно пребывал в сытости и хорошем настроении. Ведьма училась – ифрит постоянно подпитывал ее защитные руны и амулеты, а по первости еще и кошелек. Хозяйкой картинной галереи Умила стала стараниями именно Михаила, пробившего через свои связи все разрешения и оплатившего первые счета. Ну, и еще школьная подруга подсобила, наладив все три бухгалтерии и платежно-кассовые системы.

Нет, Умила дурой не была и отлично понимала, что оказалась всего лишь «живцом», находилась в положении приманки, заманивающей мелких зверюшек к засаде крупного матерого хищника. Но, если уж тебя угораздило родиться канарейкой, то лучше обитать в золотой

клетке, в теплой и сытной спальне барского дома – нежели в темном и холодном желудке дворового кота.

Своя галерея, квартира, машина, слава богемной принцессы и умелой ведьмы; почет, уважение, связи и лучший телохранитель магического мира... Разве найдется идиотка, готовая отказаться от подобной судьбы?

Все текло настолько хорошо, настолько идеально, что ведьма расслабилась... И, похоже, упустила поворотный момент...

Насмотревшись в своей ведьмовской практике на многие крутые и внезапные перемены в отношениях даже искренне любящих пар, на коварство и предательство – Умила давно рассталась с детскими иллюзиями. Чародейка догадывалась, что, когда станет совсем тяжело, совсем уныло и совсем голодно, а то и просто в минуту плохого настроения – ее благодетель и покровитель свою воспитанницу просто-напросто сожрет.

Ведь кто ему Умила? Не любовница, не родственница, не партнер. Она была и есть всего лишь случайно попавшаяся в когти тигра канарейка, показавшаяся зверю слишком мелкой и тощей, чтобы глотать на ужин. Ибо костей и перьев было куда больше, нежели мяса...

Но время прошло, за минувшие годы чародейка набрала изрядную силу. Силу, вполне достаточную, чтобы оголодавший ифрит протянул на ней месяц-другой, а то и целый год...

А там, глядишь – жизнь переменится к лучшему, и на ветвях сказочных дубрав зачирикают вновь народившиеся «канарейки». Выбирай себе любовь! Играй, учи, развлекайся!

Сегодня, спустя двадцать лет после их первой встречи, в воздухе впервые прозвучали самые зловещие для ее будущего слова: «Грядут голодные времена». И лучшая из воспитанниц ифрита ведьма, надо полагать, стала потихоньку перемещаться в сознании хищника из категории «учениц» в категорию его заветных «вкусняшек».

– Вот проклятье! – У чародейки от подобных мыслей по спине снова пробежал холодок страха, и она передернула плечами.

Умирать обитательнице «золотой клетки» совсем не хотелось!

Выживать же сама, в одиночестве, колдунья так и не научилась...

Умила Сохо вздохнула, постучала согнутым пальцем своему отражению по лбу, вернулась из-за ширмы к столу. Протянула руку и на уровне головы вынула прямо из воздуха бутылку крем-ликера.

Простенький фокус: обычная подвесная полка, что пряталась за пеленой плотного морока, закрепленного рунами, которые Умила выжгла на ее торцах. Ничего особенного! Однако на неокрепшие умы извлечение рюмок и вин из пустоты всегда производило самое неизгладимое впечатление.

Впрочем, сейчас хвастаться было не перед кем. Посему ведьма расслабленно развалилась в кресле, нацедила себе добрую половину винного бокала, сделала пару глотков тягучего сладкого напитка, повела покатыми плечами, обтянутыми серой материей и, слегка приподняв фужер, пообещала черному глазку видеокамеры в углу кабинета:

– Ничего, не пропаду... Я обязательно чего-нибудь придумаю!

## Светская жизнь

Обширный двор, засыпанный жухлой осенней листвой и обильно умытый холодным дождем, показался Михаилу очень странным. И все в нем, вроде как, было правильно: прямоугольный сквер посередине, ровно постриженный кустарник вдоль дорожек, ясени с правильными овальными кронами, все еще сохранившими часть своей красновато-золотистой красоты. Вокруг – широкие проезды, отделенные от белых двухэтажных домов аккуратными газонами и парковкой «елочкой». Сами дома – с лепниной, с колоннами у парадных дверей и витражами над ними. Наверняка – памятники архитектуры, охраняемые государством.

Всего восемь маленьких зданий для дворика размером примерно триста на триста метров! По нынешним временам такой простор – настоящее сокровище. Не всякая многоэтажка, подобная человеческому муравейнику, могла похвастаться обширным зеленым богатством.

В общем, все, вроде бы, было правильно. Ухоженно, красиво и богато.

Но чего-то весомого явно не хватало...

– Добрый вечер, Миша! Осматриваешься?

Алексей Сергеевич Чеботарев, майор полиции и начальник четвертого отдела уголовного розыска, выглядел усталым. Серая кожа, синяки под глазами, запыленные седые волосы, унылое выражение лица. И плюс к тому – мешковатый темно-коричневый костюм, словно бы одолженный офицером у кого-то из более крупных телосложением друзей. Из-за всего вместе взятого майор Чеботарев, при своих неполных пятидесяти, выглядел лет этак на семьдесят, если не больше.

– Вам нужно выспаться, товарищ майор. – Ифрит пожал протянутую руку. – В вашей работе свежая голова важнее упертости.

– В моей работе самое главное – это успешно использовать таланты подчиненных, – без тени улыбки ответил Алексей Сергеевич. – Вот тебя сейчас к делу пристегну – и пойду в кроватку, ждать результатов следствия под теплым ватным одеялом.

– Я в полном вашем распоряжении, товарищ майор, – развел руками Михаил.

– Тогда к делу, – пригладил коротко стриженные волосы полицейский. – Итак, вчера вечером, в районе двадцати трех часов, на этой самой парковке был обнаружен гражданин Аксумов Вэ-Вэ, застреленный двумя выстрелами в грудь. Судя по найденным гильзам, стреляли в него из-за кустарника, с удаления десяти метров. Газон влажный, следы четко показывают, что убийца просто ушел, к жертве не приближался. Согласись, для киллера несколько странно не убедиться, что клиент отошел к праотцам. Ведь попадания в тушку смерти не гарантируют. Для бытовухи неожиданная пальба из-за кустов выглядит еще страннее. Опрос жителей показал, что многие свидетели в двадцать два часа десять минут слышали звук, похожий на выстрелы. Но поскольку продолжения не последовало, то семнадцать человек не проявили интереса вообще, четверо просто выглянули в окно, двое оглядели двор чуть внимательнее, но ничего подозрительного не заметили. В итоге, тело оказалось обнаружено только через час после преступления. На него набрел страдающий бессонницей собачник. Собака у него остановилась посреди парковки, завывала и тем самым встревожила покой всего двора. Выстрелы их, понимаешь, не побеспокоили, а из-за собаки повылезали чуть ли не все, хорошенько затоптав все следы! – с неожиданным раздражением закончил полицейский.

– Гильзы тоже затоптали? – уточнил ифрит.

– С гильзами повезло, в кустах валялись, – напомнил полицейский. – Прогнали через картотеку, ствол замешан в двух грабежах и одном убийстве. Но сам пистолет к нам в руки пока не попадал. Как и его хозяин. В общем, никаких зацепок, никаких версий, ни единого подозреваемого. Типичный глухарь. Справишься?

– Разумеется, – пожал плечами Михаил.

– Что-нибудь нужно?

– Нет. Здесь и без того все идеально.

– Тогда жду звонка. – Майор кивнул, похлопал Михаила по плечу и отправился через газон к выезду со двора. Наверное, там его ждала машина.

Оставшись в одиночестве, ифрит неспешно прогулялся по парковке, присматриваясь к лужам. Выбрал одну, скопившуюся в асфальтовой выбоине между двумя кроссоверами, опустился рядом на колени. Потер ладонью о ладонь и мысленно стал собирать между ними серебристые струйки потаенной силы, извлеченной из самой глубины души, скатывая их в небольшой клубочек – а затем подул, уронил светящийся шарик в лужу, заряжая влагу своей энергетикой. Склонил голову, тихо зашептал:

– Ты, вода, чиста и светла, дождями падала, туманами бродила, издалека текла. Все видела, все слышала, все знаешь...

За минувшие века чародей творил сей заговор так часто, что произносить его целиком Михаилу не требовалось – контакт и без того установился яркий и уверенный. Тем паче, что и условия сложились идеальные: лужа стояла здесь долго, находилась совсем рядом с местом преступления и являлась отличным свидетелем даже без особо сложного колдовства. Посему почти сразу кудесник увидел за глянцевою поверхностью неровно освещенный вечерний двор, мужчину на скамейке с длинным багетом в руке. Незнакомец время от времени откусывал от булки и что-то прихлебывал из картонного стаканчика. Станный человек кутался в пухлую куртку, пряча голову под капюшоном, и старательно отворачивался от света фонарей.

Во двор въехала низкая и длинная «шкода» цвета кофе с молоком, с первой попытки заняла свободное место в центре парковки, погасила фары.

Подозрительный мужчина поднялся, бросил стаканчик и недоеденный багет в урну, направился к стене кустарника.

Из автомобиля выбрался представительный мужчина в пальто неотличимого от «шкоды» цвета. Коротко пискнула сигнализация. Несколько шагов, два хлопка. Мужчина в пальто упал, а другой, спрятав оружие, поспешил в дальний конец двора, откуда по пешеходной дорожке свернул за крайний дом.

Ифрит мысленно устремился за ним – и лужа послушно указала весь путь убийцы вплоть до далекого Кировского переулка, до второго дома, до третьего этажа, до самой угловой квартиры...

Чародей провел ладонью над лужей, вбирая то, что осталось от подаренной ей энергии, распрямился, покрутил головой, хорошенько запоминая двор и его приметные места, достал смартфон, посмотрел на часы и удовлетворенно хмыкнул:

– Ого, я еще и душ принять успею! Если немного потороплюсь, конечно же.

После чего нашел в списке контактов номер и вскинул трубку к уху:

– Алексей Сергеевич, еще не спите? Тогда записывайте: Кировский два, квартира семнадцать. Клиент худощавый, чуть ниже меня ростом, большие залысины, уши прижаты. Особая примета: шрам на скуле, снизу с левой стороны. Если что, завтра во второй половине дня могу отработать.

– Договорились, – кратко ответил полицейский и отключился.

– Похоже, я его все-таки разбудил, – оценил сухость собеседника ифрит. – Ну, тогда прощения просим, майор. Надеюсь вас порадовать.

Он спрятал трубку, нащупал в кармане ключи, быстрым шагом направился к серебристой «акуре». Пискнула сигнализация, Михаил сел за руль, снова глянул на двор... и наконец-то понял, что именно никак не складывалось в его голове.

В обширном ухоженном сквере не имелось ни единой детской площадки!

Словно бы он попал куда-то в банковский квартал, а не в спальный жилой район...

– Может, они тут просто не размножаются? – предположил ифрит. – Или плодятся каким-то другим способом? Нужно будет на досуге хорошенько здесь пошарить. Авось, какую-нибудь нежить и надыбаю. Как раз подобные странности ее обычно и выдают.

Но покамест его ждал посольский прием – а потому Михаил включил заднюю передачу и начал аккуратно выбираться с парковки.

\* \* \*

Спустя три часа «акура» остановилась перед ярко освещенным зданием, выстроенным в стиле «сталинского ампира»: суровым, лаконичным, словно бы собранным из крупных необработанных камней. Слуга в ливрее с золотым шитьем поспешно открыл дверцу, помог женщине выбраться на ковровую дорожку, затем побежал за руль, кивнув вышедшему на серые плитки мужчине.

Михаил кивнул в ответ и поспешил к своей спутнице. Подав ей руку, стал подниматься по ступеням крыльца.

– Умила, просвети, сделай милость, по какому поводу торжества? – На сей раз ифрит облачился в темно-синий костюм-тройку и лаковые туфли, моментально превратившись из блеклого обывателя в чопорного буржуа.

– А пес его, Миша, знает! – ответила ведьма, ошутимо опираясь на его локоть. – Ты, главное, на все вопросы согласно кивай и приговаривай, что очень рад, что это важное событие, что ты восхищен Исламской Республикой Иран и ее достижениями. В общем, с праздником. Запомнил, нежить?

– С праздником, – согласно кивнул Михаил.

Ради неведомого иранского торжества женщина облачилась в длинное вечернее платье из чего-то изумрудно-сверкающего, украшенного желтыми и белыми нитями. Возможно даже – золотыми и платиновыми. На серьги, ожерелья, браслеты и заколки в волосах потомственная ведьма тоже не поскупилась.

Хотя – где еще приличной даме можно покрасоваться содержимым своего домашнего сейфа, как не на подобном приеме, организованном в самом что ни на есть классическом стиле?

Ярко освещенный зал с наборным паркетом и мраморными стенами, позолоченный потолок с лепниной и хрустальными люстрами, легкий запах пряностей, еле слышная арабская музыка, создающая фон – однако не мешающая разговорам. Шелест платьев, костюмы и сюртуки, шипение пузырьков в бокалах с шампанским, блеск драгоценных камней в запонках, ожерельях и заколках, колыхание полосок дорогого меха, украшающего декольте и боа...

Могло показаться, что время повернуло вспять, и гости внезапно оказались на одном из еще царских дворянских балов!

– Нам сюда... – Умила потянула спутника к паре, стоящей на небольшом зеленом коврик: к смуглолицему, с короткой черной бородкой, мужчине в смокинге, со звездой из драгоценных камней, украшающей ворот вместо галстука, и его даме в странном одеянии, в верхней части напоминающем плотную чадру – однако с нарядной темно-синей юбкой и шелковым расписным полотном, идущим наверх от самого пояса и укрывающим голову подобно платку. Платье не платье, хиджаб не хиджаб... Но сразу становилось ясно: это и есть истинные хозяева дома!

– Да, я вас помню. – Иранский консул, кивнув, пожал руку низкорослому крепышу с окладистой седой бородкой: – Ваши книги в нашей стране знают и много читают.

Очень рад нашей встрече. Проходите, пожалуйста, отдыхайте.

Умила потянула спутника вперед, поклонилась хозяевам:

– Мы очень рады разделить ваш праздник, господин консул, – широко улыбнулась ведьма. – Наши поздравления!

– Я вас хорошо помню, уважаемая Умила, – поклонился мужчина. – Ваша галерея хорошо известна в Иране, картины в ней достойны восхищения. Прекрасный вкус! Очень рад нашей встрече. Проходите, пожалуйста, отдыхайте.

– Да ты, оказывается, знаменитость! – полушепотом удивился ифрит.

Но тут консул повернулся к нему и протянул руку:

– Я вас хорошо помню, уважаемый Михаил. Про ваши гостиницы в Иране хорошо знают и много хвалят. Все стремятся останавливаться именно в них. Очень рад нашей встрече. Проходите, пожалуйста, отдыхайте.

От неожиданности ифрит поперхнулся, но тут же спохватился и ответно кивнул:

– Иран всегда вызывал у меня огромное восхищение, господин консул. Древняя история, множество достижений, упорная борьба иранского народа за свободу против американской агрессии. Примите мое искреннее уважение, господин консул!

– Благодарю, Михаил, – рукопожатие стало чуть крепче. – Все вместе мы очень скоро избавимся от вашингтонской деспотии. Прошу, проходите. Вам наверняка понравится розовое шампанское.

Ифрит, отступив чуть назад, поклонился супруге консула, после чего повел спутницу в зал, с интересом спросив:

– Это еще что за ерунда? Какие, к лешему, гостиницы?

– Ну, ты же не думаешь, что консул действительно способен упомянуть хоть кого-нибудь из набившейся сюда толпы? – пожалла полуобнаженным плечиком женщина. – Меня спросили, с кем я приду, я ответила, что с крупным отельером. После чего кто-то подготовил хозяйину дома памятку с нужными словами. А ты молодец, ловко про пиндосов ввернул. Имей ты настоящие гостиницы, наверняка бы уже получал бронь для иранских туристов.

– Но почему именно гостиницы? – переспросил Михаил.

– Объяснять им, что ты уже триста лет сдаешь под жилье крупную недвижимость, было бы слишком сложно.

– Умила взяла со стола бокал шампанского, тут же пригубила и добавила: – Мне кажется, в русском языке и термина-то такого нет: «арендодатель загородных домов».

– Не триста, а двести, – поправил ее ифрит, тоже поднимая бокал. Следуя совету консула, вино он выбрал розовое. – Триста лет назад я еще хвосты коровам крутил. Двести пятьдесят лет тому служил рядовым в драгунском полку, а французскую кампанию встретил уже в гусарском – в Ахтырском гусарском полку его величества.

– Как же столь brave гусар внезапно переквалифицировался в управдомы? – с ноткой ехидства поинтересовалась женщина и сделала несколько глотков вина.

– Пушечное ядро, разрывающее левый бок, обладает просто невероятно убедительной силой, моя девочка. – Ифрит залпом осушил свой бокал и взял со стола другой. – Я внезапно понял, что тоже смертен. Живуч, но смертен. Если бы ядро порвало меня пополам, мы бы сейчас не разговаривали. В общем, полк ушел, оставив меня и еще полтора десятка ребят умирать в лазарете, устроенном около Вязьмы в местном дворянском доме. Я провалялся там до зимы, до самого французского бегства. Встретил своих живым, но изрядно покалеченным, кривым и приволакивающим ногу. Получил законную отставку и в полной мере воспользовался положенным ветеранам освобождением от налогов.

– Долго лечился? – уже совершенно серьезно спросила женщина.

– Еще лет двадцать хромал, – вздохнул колдун. – Был бы смертным, так бы скрюченным и сухоногим и помер.

– Ладно, забудем о грустном. – Умила с явной жалостью провела ладонью ему по щеке и по шее. – Признайся лучше, каким образом рядовой кавалерист превратился в богатого лати-

фундиста? Царь-батюшка, я так подозреваю, жалование вам платил только, чтобы с голоду не померли?

– Война дело трофейное. Иногда, при определенном везении, даже весьма прибыльное... – смущенно потер нос ифрит. – В общем, за полвека службы кое-что накопилось. Дальше все стало проще. Ворожил, выбирал купеческие дела, которые пойдут в гору, и входил в долю. Потом долю продавал и входил в другое предприятие, обещающее быстрый рост. Паровозы и железные корабли строил, когда в них еще никто не верил, каменный уголь в кокс пережигал, пока все сказывали, что железо только на березовом угле варить можно. Лампочки для «русского света» паял, пока все остальные газовые светильники налаживали. В керогазы поначалу тоже никто не верил. Спрашивали, кому нужна керосинка, если в каждом доме есть удобная и привычная дровяная плита? Ан нет! Продаваться стали, как горячие пирожки! Но самой лучшей моей сделкой получилась запись в крепостные заместо сына одного зажиточного винооторговца. В те времена очень многие богатые купцы крепостными числились и сей кабалы для своих детей не хотели. Так что за полных три сотни рублей ассигнациями я осел под Звенигородом, чтобы показывать переписчикам свою голову согласно душевым спискам, а купчонок с моим паспортом ушел на вольную волю. А спустя два года крепостное право отменили, и я остался с деньгами, волей и чистыми документами отрока неполных семнадцати лет.

– Точно! – сообразила ведьма. – Тебе ведь по документам должно было быть уже под восемьдесят! А выглядел ты...

– Неважно, как выглядел, – покачал головой Михаил. – В то время с документами очень многие мухлевали, так что ветхая старуха пяти лет от роду никого не удивляла. Плохо оказалось то, что я успел примелькаться лицом и начал вызывать удивление. Поэтому и смылся подальше в провинцию, да и затаился там, покуда смертные друзья не покинули сей бранный мир. С тех славных пор стараюсь уже особо не светиться, близких знакомств не заводить, лишнего внимания не привлекать. Сдавать в аренду загородные дома есть занятие тихое, малолюдное, несуетливое...

– ...и прибыльное, – закончила за него Умила. – Как ты вообще вышел на эту мысль после брокерских спекуляций? Продажа и покупка долей в предприятиях, как я понимаю, это что-то типа современной биржи?

– Не «типа», а она и была, – согласно кивнул ифрит.

– Однако, к концу позапрошлого века в зажиточных семьях появилась мода...

– Ого, а это у нас кто?! – вдруг перебила его ведьма.

– Неужели Настюха? На светском рауте? Не иначе, мир перевернулся! Наша славная чернавка проникла в высший свет! Пошли, поболтаем...

Не дожидаясь ответа, Умила стала пробираться вперед, к широкобедрой и пышногрудой русоволосой женщине в твидовом деловом костюме. В костюме вполне приличном – но только не для залы, полной вечерних платьев и драгоценностей.

– Анастасия, привет! – вскинула ведьма свой бокал.

– Какими судьбами тебя занесло на здешний наборный паркет из двенадцати пород ценного дерева?

– Умила?! – удивленно почесала бровь ее бывшая одноклассница. – Сама-то ты здесь откуда?

– Смешной вопрос... – Добравшись до подруги, Умила крепко ее обняла и даже чмокнула в щеку. – Какой же светский раут без главной галерейщицы города и штатной богемной ведьмы? Но вот ты, подруга... Тебя же даже ко мне на выставки никогда не затащить! Неужели на иранцев променяла? Или ты приняла ислам?

– Консульство купило семнадцать поддонов отделочного мрамора в плитке и брусках, – хвастливо отчиталась Настя. – Крупнейший заказ за минувшие пять лет! От приглашений таких клиентов не оказываются. Вдруг у них еще какие ремонты или строительство в планах

намечено? Если закажут еще хотя бы пять упаковок, то я не то что шампанское на здешних тусовках пить, я даже паранджу носить согласна!

– Сурово, подруга, – оценила ее решительность Умила. – Неужели в фирме все так хреново?

– Черт! – Анастасия сделала несколько больших глотков шампанского. – Это так заметно?

– Паранджа ради хорошего заказа? – Ведьма, цокая языком, укоризненно покачала головой: – Настюха, приличные женщины так не шутят! Приличные женщины обещают клиентам стриптиз, частную консультацию или хотя бы, на самый худой конец, канкан в прозрачной миниюбке! Но паранджа?! Паранджа, подруга, это признак уже полной безысходности!

– Умеешь ты утешить, Мил, – невольно улыбнулась Анастасия. – Но ты пришли мне на всякий случай список с расценками, вдруг пригодится? За что канкан надобно танцевать, за что всего лишь стриптиз показывать...

– Да не вопрос! – согласно кивнула Умила. – Кстати, хочу познакомить...

Она оглянулась... и с удивлением обнаружила, что Михаил исчез.

– А откуда ты знаешь про «двенадцать пород ценного дерева», подруга? – неожиданно спросила Настя. – Приложила руку к дизайну и ремонту?

– Все намного проще. Мне в галерею пытались втиснуть точно такой же. – Ведьма допила вино и снова оглянулась. – Но мы решили, что из золота получится дешевле...

– Сусального, плиточного? – уточнила Настя.

– Не всегда понимаю, подруга, когда ты шутишь, а когда говоришь всерьез... – покрывала в руках опустевший бокал Умила. – На самом деле мы кинули под ноги самый обычный ламинат. Пошли, что ли, возьмем себе еще шипучки?

– Извини, там какая-то тетка стену гладит, – внезапно вытянула шею Анастасия. – Пойду, поговорю. Вдруг такую же захочет?

– Беги, трудоголик, – со вздохом разрешила ведьма и отправилась за шампанским одна.

Но едва пригубила – как услышала над ухом вкрадчивый вопрос:

– Почему здесь угощают вином? Ведь Коран его запрещает!

– Оно не для мусульман, Михаил, – покачала головой ведьма. – Оно для гостей. Ты куда так внезапно пропал?

– Не хотел, чтобы твоя подруга меня узнала. – Ифрит тоже взял бокал шампанского, прихватив заодно два канапе с сыром, оливками и мясом.

– Ну, ты даешь! – Женщина звонко рассмеялась. – Миша, ты человек, конечно, умный и многоопытный, но иногда такую несусветную глупость ухитряешься ляпнуть, что хоть стой, хоть падай! Как она может тебя узнать? Двадцать лет прошло! Когда вы с ней виделись в последний раз, мы были мелкими четырнадцатилетними соплюхами, а ты – суровым тридцатилетним стариком. Сейчас же нам с Настей сороковой десяток пошел, а ты выглядишь мальчишкой неполных двадцати пяти годков. Если нормально одеть, конечно же, причесать и сделать приличный пилинг. Разве хоть кто-нибудь из случайных знакомых способен в тебе нынешнем узнать тебя бывшего? Да ни у кого даже близкого подозрения не возникнет! В этом мире только я в курсе, что ты не стареешь. А они-то нет!

– Люди разные, волшебница, – пожал плечами ифрит. – У некоторых случается хорошая память на лица. Зачем рисковать?

– Миша, да она вообще ничего не помнит про случившееся в бане! – громко фыркнула ведьма. – Ни разу за все время ни единым полусловом не обмолвилась! То есть, как утром на следующий день поднялись, так уже все, как отрезало! Словно бы ничего накануне и не было. Наверное, решила, что вся эта чертовщина ей просто приснилась. Я, понятное дело, тоже помалкивала. Так что не обольщайся, нежить, ты для нее всего лишь мираж! Странное видение из детского ночного кошмара.

– Однако, за эти двадцать лет она изрядно похорошела, – отметил ифрит. – Была бледная и тощая, как платяная моль, а теперь, глянь, дамочка при теле. Есть на что посмотреть и что потрогать!

– У тебя что, глаза на затылке? – удивилась ведьма. – Она же у тебя за спиной!

– Зато у меня полированная стойка перед носом. Смотрю, она равнодушна к женщинам?

– Это не женщина, – покосилась на подругу галерейщица, – это Софья Аркадьевна из мэрии. К ней равнодушны все. И мужчины, и женщины, и даже целые акционерные общества. Ибо она заведует секцией проведения тендеров.

– К счастью, это не мое.

– Не зарекайся, Миша, – покачала головой галерейщица. – Мало ли вдруг городу понадобится жилье для молодых специалистов или размещение иноземных интернов? Пулей примчишься просить у меня ее визитку!

– Не примчусь, – отмахнулся ифрит. – Не в деньгах счастье. Чем меньше у меня знакомых, тем спокойнее. Предпочитаю держаться в тени.

– Прямо как сейчас? – усмехнулась женщина и многозначительно стрельнула глазами по сторонам. В зале от множества гостей уже становилось тесно.

– Есть два места, Умила, где легко оставаться незамеченным, – нравоучительно ответил многоопытный колдун. – Это посреди густой чащи и посреди густой толпы. Если кто-то из всех этих людей завтра встретит меня на улице – думаешь, он меня узнает? Хоть кто-то из них заметит, что моя внешность почти не меняется с годами? Да все они навсегда выкинут меня из памяти уже через три секунды после случайного раскланивания! Толпа меня, моя прекрасная волшебница, не беспокоит. Опасны только личные знакомства. Люди, которые меня запоминают или могли запомнить. Вроде твоей подруги...

– Простите, это вы Умила Сохо? – внезапно вмешалась в их разговор высокая крашеная блондинка предпенсионного возраста. Белое с блестками платье, широкое кольцо с рубинами и изумрудами, золотые серьги, покрытые бриллиантовой пылью и несколько крупных перстней наглядно доказывали, что женщина не бедствовала. Да и ее появление на приеме в консульстве говорило само за себя. Жиром не заплывла, кожа чистая и гладкая. В общем, дама умела держать себя «в форме». Но, увы, спрятать тонкие, похожие на паутину морщинки и ставшую дряблой кожу не способен ни один косметолог.

– Я вас знаю? – усомнилась ведьма.

– Помогите мне, очень вас прошу! – молитвенно вскинула ладони перед собой неожиданная просительница. – Я понимаю, тут не место, но у меня муж уходит! У него любовница, он постоянно пропадает у нее, он совершенно меня не замечает! Он и сюда бы пошел с ней, да только приглашение через меня передали и я о нем знала...

– Раз предпочел пойти с вами, значит, еще не все потеряно, – отпил вина Михаил. – Значит, ему на вас не наплевать. Вот если бы демонстративно пошел с любовницей, несмотря на то, что вы все знаете, тогда да. Это уже был бы побег в свою отдельную песочницу.

– Он уходит! – В голосе блондинки появились слезливые нотки. – Я знаю, я чувствую! Он смотрит сквозь меня, он ничего со мной не обсуждает, в постели от него ничего не дождешься! Умоляю! Я согласна на все, требуйте все, что только пожелаете, только верните его мне!

– Скажите, у вас совесть есть? – не удержался от вопроса ифрит.

– Я понимаю, что здесь не время и не место, – сглотнула женщина и протяжно, со всхлипами вздохнула. – Но это вся моя жизнь! Все, что от нее осталось! Дочки разъехались, в квартире эхо, пустота, даже цветы не растут. А теперь еще и муж уходит! Я не хочу остаться одна! Мне легче руки на себя наложить!

– Вы неправильно меня поняли, сударыня, – покачал головой Михаил. – Просто в вашей ситуации весьма эффективны разговоры на мужскую немощь. Порча на лютиковый узел, гор-

печник или на масло. Но это, скажем так, деяние весьма аморальное. При наличии совести, оно станет вас долго и сильно мучить. Но зато заговоренный подобным заклятием мужичок, пару раз опозорившись на стороне, очень быстро возвращается в семейное гнездо и больше не мурмулит.

– Отличный ход! – восторгалась Умила. – Милая леди, вам страшно повезло! Вы сейчас беседуете с лучшим магом современности! Так что, с вашего общего позволения, я ненадолго отлучусь. А вы знакомьтесь!

Ехидство скрывшейся ведьмы проступило столь откровенно, что блондинка с тревогой переспросила:

– Я сказала что-то не то?

– Не беспокойтесь, сударыня, это моя вина. – Ифрит снова пригубил бокал. – Язык мой враг мой...

– Но она сбежала! Даже не дослушав!

– Понимаете, сударыня, по древнему обычаю колдунам запрещено брать плату за свою работу, – криво усмехнулся ифрит. – Поэтому чародейство является единственным ремеслом, в котором специалисты с большой охотой уступают своих клиентов друг другу. Я проболтался о своих навыках, и Умила с готовностью уступила вас мне. Простите, виноват, – Михаил удрученно развел руками.

– Так она не шутила? – всем телом повернулась к нему женщина. – Вы сможете мне помочь?

– Если вы выполните три моих условия, – сразу оговорился Михаил.

– Какие?

– Первое, – загнул палец ифрит. – Вы завтра же пострижетесь и перекраситесь в брюнетку. Второе. С завтрашнего дня вы станете каждый день провожать мужа на работу и выбирать ему рубашку, предварительно прыская ворот одеколоном, и встречать по возвращении, помогая раздеться. Третье. Вы меняете домашний гардероб. Если ходили в халате, то купите трико, если ходили в трико, поменяйте на халат. Если было и то и другое, купите тунику яркой геометрической расцветки. И ни разу, ни при каких условиях никому не проболтайте, что подозреваете его в измене! Если вы не хотите развода, то подобный вопрос намного проще не поднимать вообще, нежели потом заминать. Теперь о порче. Добудьте как-нибудь пару ногтей и пару волос своего супруга и передайте их мне. Можно через Умилу Сохо, она в такой малости не откажет. Я сделаю заговор на его плоть и ароматическое масло, через галерею передам вам. После этого вы начнете смачивать рубашку супруга этим составом вместо одеколона. Все то время, пока ваш муж будет ощущать отравленный аромат, он станет испытывать половую слабость. Поэтому дома, сразу после того, как снимете со своего благоверного заколдованные рубашки, немедленно их прячьте и как можно лучше. В самый дальний шкаф и самый дальний ящик. И само собой – выбирайте для этого мебель не в спальне.

– Как это сложно и долго! – заколебалась блондинка.

– Неужели нет способа проще?

– Есть и проще, – кивнул ифрит. – Я могу прямо сейчас подойти к вашему мужу и повесить на него простенькую, но надежную порчу вроде «бледной немощи». Ваш благоверный превратится в импотента и перестанет бегать по бабам. Однако вы его тоже интересовать не станете. Ваш супруг начнет пить, тосковать, искать замену потерянной силе, играть в карты или колотья, и потихоньку зачахнет... Если до того не выпрыгнет из окна или не бабахнет себе в голову из охотничьего ружья. Устраивает?

– Чёрт... – кратко отреагировала блондинка.

– Вы, наверное, думаете, что колдовство – это что-то вроде хирургии? – Михаил поставил опустевший бокал на поднос подошедшему официанту и взял полный. – Типа старую судьбу отрезал, а новую пришил? Вы глубоко ошибаетесь, моя милая! На самом деле, чудесничество

– это терапия, каковая только помогает подправить испорченную карму. Помогает, а не изменяет ее вместо самого человека! Сплошь и рядом случается, что прибегает зареванная «брошенка», требует вернуть своего суженого, а у нее дома постель меняется раз в месяц, одежда не стирается и не гладится вообще никогда, а готовить она умеет только воду из-под крана и пиццу по телефону. И тогда ты понимаешь, что, какое бы могучее заклинание ты ни применил, какие бы чары или порчи ни накладывал, мужик к ней не вернется никогда и ни за что! Уедет вахтовиком, утопится на рыбалке, сделает операцию по смене пола – но не вернется! И потому лечить надобно саму бабу, а вовсе не ее беглого страдальца. Так что не верьте чародею, обещающему решить все ваши проблемы за три минуты с помощью фирменного патентованного суперколдовства. Всемогущие кудесники, все до единого, являются исключительно шарлатанами. Настоящий маг, столкнувшись с жизненными невзгодами, в первую очередь замечает проблемы клиента, кучу подводных камней в его желаниях, и начинает от сих проблем всячески увививать. Неблагодарное это, в общем, ремесло.

– Ладно, не спорю, – неожиданно легко согласилась женщина. – Грязнужь вроде тех, как вы описали, я и сама немало повидала... Но зачем мне краситься в брюнетку?!

– Ваш супруг, сударыня, жаждет перемен. – Ифрит посмотрел шампанское на свет. – Он привык к вам, привык к комфорту и детской суете. Но дети разъехались, вокруг стало тихо и пусто. Он ощутил себя ненужным. У него переломный возраст, ему потребны перемены. Ну, так дайте ему их! Пусть его жена вдруг станет незнакомой ему брюнеткой! Потом рыжей... Потом шатенкой... Пусть превращается то в развязную девицу, то в неприступную королеву, то в «синий чулок». Не застывайте, меняйтесь! Меняйте стиль, меняйте образ, меняйте поведение. Вспомните юность и соблазните его еще раз. Или облачитесь диснеевской принцессой, но не позволяйте к себе прикоснуться. Или... Или придумайте еще чего-нибудь! Сейчас вам, понятно, кажется, что это слишком муторно. Но поверьте на слово, вам же самой станет веселее! Считайте, что это игра. Постоянная забавная игра! Мужчины ленивы. Да, им хочется разнообразия. Но если неожиданности станут ждать их дома, если разнообразие можно получить без особых усилий, они не станут искать его на стороне. Если же добавить к этому маленькое скромное чародейство, которое вынудит мужчину сомневаться в своих способностях с посторонними женщинами, то... То тогда вы будете жить с ним долго и счастливо, душа в душу, до самых поздних седых волос!

– А вы, похоже, и вправду... разбираетесь... – признала блондинка.

– Меняйтесь хотя бы раз в месяц, сударыня, – вскинул свой бокал чародей. – Не давайте к себе привыкнуть! Сегодня ваш муж выбрал вас. Сие добрый знак. Завтра ему захочется узнать: что за брюнетка появилась в его доме? Ему захочется этой незнакомкой овладеть. Ваше расставание отодвинется еще ненадолго. Потом снова и снова... И так до бесконечности. Не упустите завтрашний день, и все у вас будет хорошо!

– То есть, я сама, собственными руками, смогу полностью изменить отношения в семье и удержать мужа при себе? – уже вполне спокойным тоном поинтересовалась блондинка. – Вы что, пытаетесь отговорить меня от колдовства?

– От порчи, – полушепотом поправил ее ифрит. – Наведение болезненной слабости – это порча. Большой грех.

– Вы же маг! С чего вам беспокоиться о грехах?

– У чародеев нет бога, который им все прощает, – перекрестился Михаил. – По нашей вере считается, что наведенная порча возвращается к своему автору в пятикратном размере. Добрые дела, наверно, тоже. Но эта сторона магии никого особо не беспокоит.

– Вы боитесь?

– Нет, – пожал плечами ифрит. – Ведь я всего лишь сотворю зелье. Наносить его станете вы. Или не наносить. Ваш выбор, вам и отвечать.

– Какие-то трудности? – быстрым шагом подошла к собеседникам знаменитая ведьма. – Все хорошо?

– Все даже лучше, чем я ожидала, уважаемая Умила... – пробормотала блондинка. – Ваш муж вселил в меня уверенность. Теперь я знаю, что с завтрашнего дня моя жизнь переменится к лучшему. Вы встретили удивительного мужчину, берегите его.

– Михаил? – Ведьма перевела на ифрита свой вопросительный взгляд.

– Да все хорошо, Умила! – Мужчина залпом осушил бокал. – С чего ты вдруг так обеспокоилась, моя волшебница?

– Ты вдруг начал креститься, Мишенька! – крепко взяла его за руку колдунья. – На тебя это сильно не похоже.

– Это все шампанское. – Ифрит снова оценил бокал на просвет. – Розовое. И да... Пожалуй, ты права. Наверное, мне на сегодня достаточно.

– Еще раз спасибо, – кивнула блондинка. – Пожалуй, мне самое время вернуться к своему благоверному. И все же... Вы говорили, два ногтя и два волоса?

– Вот, возьмите мою визитку. – Умила привычно опустила два пальца в свою крохотную сумочку, извлекла картонный прямоугольник. – Лучшие полотна современности. Рада буду видеть вас в нашей галерее в любое время. Кстати, послезавтра, по случаю открытия выставки современных маринистов, у меня случится открытый прием вкуче с небольшим фуршетом. Вы приглашены! Обещаю, вы встретите много интересных и полезных людей.

– Послезавтра? – Женщина скользнула по визитке быстрым взглядом: – Галерея «Элегия» в Старосенном? Два волоса и два ногтя. Полагаю, прием ожидается вечером? Приеду обязательно!

Блондинка с легким поклоном удалилась.

– Спокойна, как мамонт, – проводила ее взглядом бывалая ведьма. – Быстро же ты девочку отработал! Я бы как минимум неделю только на подготовку запросила.

– Опыт, – кратко ответил ифрит.

– Но почему именно два ногтя и два волоса? Я чего-то не понимаю?

– Красивые цифры, – пожал плечами Михаил. – Для заклинания, понятно, хватит и чего-то одного. Простенькая порча, любой дурак состряпает. Но два плюс два звучит красиво.

– «Два плюс два звучит красиво»? – с подозрением прищурилась Умила. – Ты сколько сегодня выпил, нежить допотопная?

– Три бокала. – Ифрит поставил пустой бокал на поднос проходящего мимо официанта. – Или четыре...

– Розового с пузырьками? Не иначе, наши добрые хозяева туда пыльцы с цветочных полей накапали, каковой кальяны заправляют! Ты хоть помнишь, нечистая сила, что мы сюда на машине приехали? Как нам теперь домой возвращаться?

– Чего ты беспокоишься, Умила? Ничего со мной из-за трех бокалов не случится!

– Да я за тебя и не беспокоюсь, нежить, тебя даже пушечным ядром не проймешь! – оскалилась женщина. – Мне тех людей жалко, которых ты спьяну зацепить способен.

– После трех бокалов газировки?

– Газировки от бешеной коровки! Давай-ка ключи сюда... На такси домой поедешь.

– Ключи на входе загонщик отобрал.

– Тогда поедешь со мной. – Ведьма крепко взяла его за локоток. – И пока полностью не продышишься, не отпущу!

\* \* \*

Свою угрозу Умила исполнила на все сто: после приема усадила ифрита в такси, возле своего дома выгнала его из машины, вместе с ним поднялась на седьмой этаж, а затем впереди себя втолкнула в открытую дверь квартиры.

– А ты знаешь, волшебница, я ведь у тебя в новом жилище еще ни разу не бывал, – с интересом осмотрелся Михаил. – Вот, значит, как выглядят берлоги современных знахарок?

Квартира чародейки была всего лишь двухкомнатной. Одна из комнат, судя по углу большой постели за приоткрытой дверью, использовалась как опочивальня, вторая – как гостиная.

Потолок из тонкой бамбуковой циновки, стены обиты голубым бархатом, на полу пушистый ковер с синемалиновым рисунком. Пара шкафов из вишневого дерева, большая панель телевизора, на которой плясал огонь, удивительно похожий на настоящий, журнальный столик с палехской росписью, а по сторонам от него – два глубоких кресла, закрытых накидками цвета индиго. Здесь пахло лавандой, здесь царил полумрак, слабо развеиваемый множеством крохотных светильников в углах, под потолком и возле окна, здесь тихонько мурлыкала «Энигма»...

– И ни одной картины... – вслух отметил Михаил.

– На работе надоели, – небрежно отмахнулась ведьма, выходя из спальни. Она уже переоделась в халатик китайского шелка, черный с большими красными розами, и теперь несла в одной руке два бокала, а в другой бутылку крымского игристого вина. – Вот, открывай. Раз уж я не дала тебе наклюкаться в консульстве, можешь отведать шампанского здесь, в покое и безопасности.

Умила присела на подлокотник левого кресла, закинула ногу на ногу. Край халатика, естественно, соскользнул и обнажил ножку не то что до бедра – а почти до самого пояса!

Мужчина невольно крикнул и повел плечами. Подошел ближе, опустил на колено, словно бы случайно коснувшись запястьем коленки хозяйки. Потом уже откровенно провел ладонью вверх по ноге, наклонился вперед и, касаясь щекой выбившейся у Умилы пряди волос, вдохнул исходящий от виска женщины аромат «шанели»:

– Все, что только пожелаешь, моя волшебница... – с придыханием произнес он. – Как же ты восхитительна, моя девочка! До чего же ты красива! До чего же ты статна, ароматна, обаятельна и нежна... – Михаил привстал, наклонился вперед, почти поцеловал ее в порозовевшее ушко, обжег своим дыханием, а его руки заскользили уже над пояском, по мягкой теплой коже под совершенно невесомым халатом. – Как же ты соблазнительна, как желанна! Так бы тебя и съел!

От ледяной волны смертного ужаса, едва не скрутившего тело судорогой, ведьма резко распрямилась, шарахнулась назад, врезалась спиной в стену, отлетела и с такой силой ударилась о шкаф, что внутри что-то посыпалось и зазвенело, явственно превращаясь в осколки.

– Да-да, волшебница, ты все правильно понимаешь, – криво усмехнулся ифрит, так и оставшийся перед креслом на одном колене. – Настоящая страсть, она такая... Временами перестаешь себя контролировать. И тогда желание обладать любимой внезапно воплощается в жизнь излишне прямолинейно. Хочешь поглотить... И поглощаешь.

Умила громко сглотнула.

– Девочка моя... – поднялся на ноги мужчина. – Ты хороша собой, ты невероятно привлекательна, ты сильна и сказочно талантлива. Но ты юна и наивна. Неужели ты думаешь, что за минувшие двадцать лет я бы не попытался стать твоим любящим лавером, если бы у тебя при этом имелся хоть какой-то шанс остаться в живых? Поверь опытному кудеснику, соблюдать между нами некоторую дистанцию в первую очередь в твоих интересах. Ферштейн?

Ведьма несколько раз щелкнула пальцами, вытянула палец, затем отмахнулась и выдохнула:

– Мне нужно выпить... И охладиться... Шипучка из морозилки, она сойдет. Наливай!  
Михаил, цыкнув зубом, взялся за бутылку, сдернул фольгу, стал откручивать проволоку. Раскачал пробку, вынул без хлопка, наполнил бокалы, протянул один Умиле:

– Твое здоровье, волшебница!

– Поставь на стол! – потребовала ведьма. Она успела немного успокоиться, но прикосновений ифрита все еще опасалась.

– Как скажешь! – Мужчина опустил фужер на столешницу и отступил на пару шагов. Сделал большой глоток и спросил: – Скажи, моя девочка... С чего это тебе вдруг пришло в голову меня соблазнить? Музыка, халатик, запахи, полумрак... Что это было, волшебница?

Ведьма тяжело вздохнула.

Всего минуту назад идея поближе сойтись с Михаилом казалась ей гениальной. Ведь не станет же ифрит жрать свою любимую, пусть даже в самое голодное время?

Однако, парочку мелочей она и вправду не предусмотрела...

– Умила? – наполнил о себе колдун.

Женщина вздохнула, подошла к столу, взяла свой бокал, залпом опрокинула и развела руками:

– Это был чудесный вечер, Миша, ты оказался прекрасным кавалером, а та блондинка смотрела на тебя с таким вождением, что я даже заревновала. Вот мне и показалось... Почему бы не закончить столь удачно начавшийся день так, как это полагается в цивилизованном обществе?

– В постели?

– Так устроен мир, – королева богемы виновато пожала плечами. – «Секс, наркотики, рок-н-ролл». И раз уж начался такой разговор, то давай, нежить, признавайся: скольких красных девиц ты уложил в могилы за свою трехсотлетнюю жизнь?

Говорить ифриту правду ведьма не собиралась и потому поспешила сменить тему, пока тот не начал вдаваться в детали.

– Ни одной. – Михаил снова наполнил ее бокал.

Умила тут же выпила, протянула фужер за добавкой и недоверчиво покачала головой:

– Хочешь сказать, за три века у тебя не случилось ни единого удачного романа?

– Я встречался только со смертными девушками, – ответил мужчина таким тоном, словно бы это все объясняло.

– И-и-и... Что? – Умила выпила. – Хочешь сказать, для них это безопасно?

– Само собой... – Ифрит поставил опустевшую бутылку на пол и сел в кресло.

– Но почему?

– Потому что они смертные.

Умила, допив вино, сходила на кухню, принесла еще бутылку, молча сунула мужчине в руки, поставила перед ним свой бокал. Ее еще продолжал бить мандраж.

Ифрит пожал плечами, откупорил бутылку и снова наполнил фужеры.

Ведьма взяла свой, села с ним в кресло и только оттуда спросила:

– Может просветишь, Мишенька, откуда простым смертным перед нежитью и чародеями такая преференция?

– Ты знаешь, каков главный признак сотрясения мозга?

– зачем-то принохиваясь к вину, спросил ифрит. – Потеря памяти! Смертные забывают от нескольких секунд до минут о последних случившихся с ними событиях. То есть, ведут себя в точности так, как простенький персональный компьютер, который внезапно выдернули из сети. Содержимое оперативной памяти теряется, содержимое жесткого диска остается. Вставляешь вилку обратно в розетку, и все, кроме последних минут, в электрической памяти машины тут же восстанавливается. Так и с людьми. При сотрясении мозга энергетическое тело

смертного умирает, но физическое тело восстанавливает его быстро и качественно, без особых проблем. Все, кроме краткосрочной памяти.

Михаил пригубил шампанского.

– А я? – Ведьма опять выпила вино залпом.

– Если смертный – это простенькая персоналка, то ты, волшебница, в сравнении с оным, есть супермощный банковский компьютер, – подмигнул воспитаннице ифрит. – Что случится, если такая система вдруг забудет события нескольких последних минут? Переводы, списания, введенные пароли, открытия счетов... Все!

– Кирдык банку, – признала женщина.

– Именно, – согласился мужчина. – Энергетическое тело чародея очень сильное, насыщенное. Оно намного превосходит возможности смертной физической оболочки и в значительной степени пребывает за ее пределами. Физическое тело колдуна, увы, не способно восстановить его ауру. Его «жесткий диск» слишком мал для подобной «оперативной памяти». Так что, если я вдруг случайно слизну всю энергетику твоей подруги, она всего лишь ненадолго потеряет сознание. Спустя некоторое время Настя мирно проснется, живой и здоровой. С маленьким провалом в памяти, но зато бодрой и отдохнувшей, со свежими силами. Сиречь, с обновившейся аурой. Если же я слизну твою – то это кома и смерть. Твоя личность в любом случае перестанет существовать. А мне не хочется терять столь очаровательную воспитанницу.

– Как интересно... – пригубила шампанское женщина.

– И часто ты усыплял своих подружек?

– Бывало... – болезненно поморщился колдун. – Самое обидное то, что случалось такое неизменно в самые лучшие, самые яркие моменты отношений. Когда вот оно, когда наступил самый сладкий и сочный момент! И вдруг бац: девица сладко посапывает, и потом совершенно не помнит, насколько ей было хорошо... Вот и как, по-твоему, при этом возможно наладить крепкие любовные отношения?!

– Мои соболезнования, ифрит, – приподняла бокал ведьма.

– Есть и хорошая сторона. Когда женщина взрывается страстью, из нее хлещет такая бешеная энергетика... – Михаил мечтательно покачал головой. – Не со всякого оборотня или упыря удастся столько высосать, сколько она добровольно отдает!

– Значит, ты все-таки можешь жить без охоты на ведьм? – наострила уши Умила.

– Я не суккуб, это не мое, – покачал головой Михаил.

– Случайно несколько раз выходило, только и всего. Но отношения из-за этого обычно быстро портились.

– Но питаться смертными ты все-таки можешь?

– Да дались тебе эти смертные, Умила! – Ифрит начал проявлять недовольство. – В последние дни ты неизменно заворачиваешь к ним все наши разговоры! У тебя что, возникли какие-то проблемы с обычными людьми?

– Это у тебя проблемы! – попыталась отодвинуться от гостя ведьма. И поскольку кресло не шелохнулось, пересела на подлокотник. – За последний месяц в моей галерее появился всего один вампир, да и тот полудохлый. Целый месяц никакой еды! Я же вижу, что ты голодаешь! И я не хочу тебя потерять. Ты беспокоишься обо мне, а я о тебе, что в этом плохого? Я же знаю, как устроен мир! Временами дичи становится слишком мало, хищники голодают, жрут друг друга или просто мрут. После этого охотников становится совсем мало, дичь плодится и для выживших зверей наступают райские времена. До тех пор, пока их опять не становится слишком много. Так вот, мой зверь... Я не хочу, чтобы ты сдох навсегда среди всех прочих! Если в голодное время можно перекантоваться на смертных, то почему бы тебе этим не воспользоваться?

– Питаться смертными – это все равно, что стричь свинью, – покачал головой Михаил. – Визгу много, шерсти мало. В обычной жизни они слишком слабы. Правда, изредка у чело-

века случаются всплески силы, когда он способен прыгнуть выше головы, набить морду медведю или перевернуть автомобиль. Но это только на краткий миг, в момент испуга, ярости или восторга. В минуты сильнейших эмоциональных переживаний. В общем, когда в организме случается мощный выброс адреналина... – Михаил запнулся, потом громко рассмеялся: – О-о, волшебница, я уже вижу, как у тебя заблестели глазки! Сейчас ты наверняка предложишь ловить прохожих, прятать в ящик и пугать до полусмерти, или просто колоть им в попу заветный препарат. Так вот... Напрасные старания. Люди, собранные в концлагеря, ни под каким адреналином никакой энергии тебе не дадут. Они просто передохнут, как лошади, которых стегают, но не кормят. Для сильных, здоровых, ярких всплесков энергии смертный должен быть здоров, силен, счастлив, свободен, бодр и весел. Но вот только как его такого, вольного и буйного, доить?! Так что, девочка моя, поверь на слово: выследить и высосать инкуба в двести раз проще, нежели пытаться подражать его повадкам.

– Ни разу в жизни не встречалась с инкубом, – посетовала Умила.

– Кто знает, кто знает... – пожал плечами мужчина. – Они тоже умеют неплохо маскироваться. Ты ведьма сильная. Если некий инкуб раз-другой унес в клювике скраденный у тебя кусочек энергетике, ты никакой потери наверняка и не заметила. Они ведь на простых смертных пасутся, им многого не надо... – Ифрит выпил вино, поставил фужер и поднялся. – Кстати, о суккубах! Мы с тобой, мне так кажется, немного успокоились. Так что давай воспользуемся тем, что наконец-то остались наедине. Раздевайся!

Ведьма смиренно вздохнула, отставила бокал, выпрямилась во весь рост, послушно развязала пояс, стала сдвигать шелестящий шелк с плеч. Ткань стремительно заскользила вниз, обнажая чародейку перед гостем – но в последний миг Умила повернулась, и когда халат упал ей на уголки локтей, мужчина увидел только женскую спину, по которой извивался китайский красносине-зеленый дракон.

Богатая, очень красивая татуировка, способная восхитить любого случайного зрителя!

Но только посвященные в сокровенные магические тайны колдуны могли заметить, как штрихи на чешуе тощего змея складываются на уровне талии в руны «голодного заклятия» – древнего чародейского изобретения, тупо пожирающего вокруг себя любую магическую энергетiku, и тем самым лишаящего ведьму той грозовой ауры, каковая может выдать хищникам ее истинную сущность. Круглый глаз дракона, покрытый радужными пятнами между изломанными линиями, тоже являл собой графический амулет, в просторечии именуемый «воробыным пискком». Он энергетiku, напротив, излучал. Перемешиваясь с аурой носителя, она придавала ведьме вид «больной птички», не представляющей ни для кого из существующих ведьмаков ни малейшего интереса.

Но если «голодные обереги» с легкостью существовали сами по себе – то «поющие амулеты» нуждались в подпитке. И потому ифрит, бесшумно подойдя к воспитаннице, чуть наклонился и поцеловал дракона в глаз, выдохнув в него немного своей силы.

Умила зябко поежилась, забросила халат обратно на плечи, сделала шаг вперед и поспешно схватилась за бокал.

Каждый раз, когда ифрит целовал ее в спину, ведьма не могла отделаться от ощущения, что хищник вдруг возьмет да и вцепится ей в шею, словно могучий уссурийский тигр в загривок трепетной лани, дабы вдосталь насосаться свежей и соленой парной крови...

И каждый раз Умила не сразу приходила в себя, медленно свыкаясь с тем, что опасность снова миновала и что она опять осталась жива.

Тяжело дружить с тигром. Очень удобно и спокойно, когда он тебя защищает. Приятно, когда он тебя холит и лелеет. Лестно, когда он тебя учит и поддерживает. Но при всем том невозможно забыть, что любой тигр по сути своей – могучий и безжалостный людоед.

– Ты удивительно хороша собой, моя волшебница, – словно бы подслушав ее мысли, признался мужчина. – Это здорово мешает.

– Еще как! – согласилась Умила. – Даже не знаю, благодарить тебя за комплимент, или пугаться ему?

– Чудесный запах, чудесная квартира, чудесная музыка, – похвалил ее убежище ифрит. – И нестерпимо обворожительная хозяйка! Так что мне, наверное, лучше всего... уйти.

– Зеркало в спальне, – отойдя к стене, указала через комнату чародейка. – Висит на обратной стороне двери. Спасибо за чудесный вечер, моя премудрая нежить!

– Я рад, что тебе понравилось, моя волшебница, – пересек гостиную ифрит.

– Не забудь, послезавтра в галерее светский раут! – торопливо напомнила Умила.

– А я там нужен? – остановился на пороге спальни Михаил.

– Ты хочешь спихнуть свою блондинку на меня? – возмутилась ведьма. – Ну уж нет, сам отдувайся! Ни одно доброе дело не должно остаться безнаказанным!

– Да уж, сегодня я сглупил. Язык мой, враг мой, – повторился чародей. – Хорошо, попробую успеть.

– Если что, буду звонить. Удачи тебе, Миша!

– Спасибо, волшебница. Завтра она мне точно понадобится, – кивнул ифрит, шагнул в спальню и затворил за собою дверь.

## Свидетель

Комната размером примерно шесть на шесть метров выглядела до предела официальной и потрепанной жизнью. Вытертые письменные столы из ДСП, обшарпанные шкафы из ДСП, тумбы между столами – из ДСП, облупленные подоконники – из ДСП. И только стулья были сварены из железного прутка и украшены обитыми коричневой мешковиной сидушками и спинками. Но главным отличием этого помещения от прочих ему подобных являлись толстые казенные папки, которые лежали высокими стопками буквально везде: на столах, на тумбах, на шкафах, и разумеется – проглядывали на полках между незапертыми створками.

Из-за множества набившихся сюда мужчин в комнате было довольно душно, и даже распахнутая форточка не спасала положения.

Вдоль стены, на пяти составленных рядом стульях, сидели четверо похожих друг на друга, унылых субъектов: все возрастом около сорока лет, все слегка небритые, все в брюках и в пухлых зимних куртках. Придирчиво оценив их взглядом, майор Чеботарев щелкнул пальцами и указал на бледного скуластого парня, в свитере и джинсах, пристроившегося на углу стола:

– Юра, сходи в паспортный стол, пригласи кого-нибудь из очереди. Скажи, потом быстро проведешь их со служебного входа.

Паренек молча кивнул, скрылся за дверью и вскоре вернулся с тремя женщинами. Две были в возрасте и одеты неброско, повседневно: одна в юбке с кофтой, другая – в темном платье ниже колен. Третья оказалась девицей лет восемнадцати, в желтой куртке и зеленых лосинах.

– Уважаемые гражданки, вы приглашены сюда в качестве понятых, – заученно проговорил майор, – прошу вас честно исполнить свой гражданский долг. Это займет всего несколько минут, но прошу вас быть внимательными. Теперь давайте задержанного.

В комнату ввели понурившегося мужчину – лет сорока, в серых брюках и зимней куртке.

– Выбирайте себе место, – предложил ему Чеботарев.

Задержанный подумал и уселся посередине, сдвинув оказавшегося там человека.

– Сфотографируйте их и давайте свидетеля, – распорядился майор.

Стоящая у входа упитанная дама в полицейской форме распахнула дверь и крикнула:

– Варишин, заходите!

Михаил ради следственной процедуры оделся скромно: камуфляжные штаны, высокие ботинки, коричневая водолазка грубой вязки, поверх которой красовался широкий ремень с парой пустых ножен. Ни дать ни взять – заядлый грибник, внезапно выдернутый из леса прямо в центр города.

– Скажите, гражданин Варишин, вам знаком кто-нибудь из сидящих здесь людей? – размеренно спросил майор Чеботарев.

– Да, конечно, – кивнул ифрит и вытянул руку: – Вот этот, посередине.

– Обращаю внимание понятых, что свидетель указал на трижды судимого Григория Ростохина, – озвучил его жест начальник отдела. – Занесите это в протокол. Гражданин Варишин, при каких обстоятельствах вы познакомились с этим человеком?

– Позавчера, возвращаясь вечером с рыбалки, я ощутил сильную усталость, – начал рассказывать Михаил. – Чтобы не заснуть за рулем, я решил остановиться и съехал с оживленной улицы в первый попавшийся двор, дабы на трассе в меня в сумерках никто не врезался. Во дворе я удивился тому, что на скамейке сидит человек, пьет кофе и закусывает багетом. Как бы, не то время, чтобы безмятежно загорать на скамеечке. Ладно бы с бутылкой пива сидел, или водку огурцом закусывал. Но купить кофе и багет в такое позднее время, да еще в стороне от оживленных мест? К тому же, этот субъект старательно прятал лицо от света фонарей. В общем, он сумел привлечь мое внимание.

При последних словах Григорий Ростохин поднял голову и вперил в ифрита мрачный немигающий взгляд.

– Когда во двор въехала крупная светлая машина, этот человек поднялся, бросил стакан и недоеденный багет в урну, прошел чуть вперед и встал в кустарнике. Потом дважды выстрелил в вышедшего из машины водителя и тут же быстро ушел. Во время бегства его лицо несколько раз попало на свет, и я хорошо его рассмотрел. Особенно шрам на подбородке... – Михаил вытянул руку, снова указывая на задержанного.

Ростохин скривился, пригладил пальцами свой шрам и снова опустил голову.

– Спасибо за помощь, свидетель, вы можете идти, – кивнул ифриту майор. – Понятых прошу расписаться в протоколе. Задержанный, у вас есть замечания?

– Да, разумеется есть! – поднялся со своего места уголовник. – И я хотел бы собственноручно внести их в протокол!

– Стойте! – внезапно встрепенулся молодой полицейский по имени Юра. – Не подпускайте его! Не давайте, закройте!

Он метнулся к столу с протоколом, но опоздал – Ростохин уже смотрел страницы.

– Да что ж вы... – разочарованно развел руками паренек. – Там же адрес свидетеля!

Уголовник вскинул пальцы к виску, словно бы приветствуя опоздавшего оперативника, после чего взял ручку и вписал несколько строк:

– Ваш стукач фальшивый, – вслух сказал он. – Он просто цитировал протокол с описанием места задержания. Подстава!

– А как, по-твоему, мы на тебя вышли, Ростохин? – громко ответил Чеботарев. – Тебя видели на месте преступления! Свидетель назвал твои приметы и опознал тебя по фото. Вот и вышли на тебя по горячим следам, уже на второй день вышли! Так что ты попал. Суши сухари, поедешь на пожизненное.

– Ничего у тебя нет, начальник, ни единого доказательства! – мотнул головой уголовник. – Только пустые слова фальшивого стукача. В суде не прокатит!

– Ты рецидивист, а у нас есть надежный свидетель. Так что сядешь без вариантов. – Майор придвинул ему блеклый листок размером в половину машинописной страницы. – Вот, подпиши. Тебе запрещено покидать пределы города, если ты попытаешься выехать, это будет считаться попыткой к бегству, и тогда меру пресечения придется ужесточить.

– Подождите, подождите, Алексей Сергеевич! – снова попытался вмешаться паренек в свитере и джинсах. – Вы что, его отпускаете?!

– Нет, Скворцов, он будет находиться под подпиской о невыезде.

– Но, Алексей Сергеевич, так же нельзя!

– Скворцов, немедленно выйди из кабинета! – жестко отрезал майор. – Я потом с тобой поговорю.

– Его нельзя отпускать, он убийца!

– Оперуполномоченный Юрий Скворцов, выйдите из кабинета, это приказ!

– Да что вы все... – Оперативник сжал кулаки, скрипнул зубами, по послушался, выскочил за дверь, бегом промчался по коридорам, вылетел на улицу, огляделся. Громко крикнул: – Варишин!!! Гражданин Варишин, вы где?!

Никто не отозвался.

Скворцов выматерился себе под нос, злобно сплюнул, отправился обратно.

Комната за это время успела опустеть. Здесь остались только два человека – начальник отдела и сам Юрий.

– Что же вы делаете, Алексей Сергеевич?! – чуть ли не выкрикнул молодой полицейский. – Как можно отпустить рецидивиста, виновного в убийстве?! Да еще показав ему протокол со всеми адресами и фамилиями!

– Юра, у нас недостаточно улик для ареста, – невозмутимо ответил майор. – В этом Ростохин прав. Доказательств нет. Показания свидетеля лишь повторяют все то, что мы увидели на месте происшествия. Стрелял из кустов, ушел через сквер за дома. На таком основании ни один судья под стражу его не возьмет.

– Но он же убьет свидетеля, Алексей Сергеевич! – горячо выдохнул оперативник. – Он знает, где тот живет, знает как выглядит!

– Не посмеет, Скворцов, – покачал головой Чеботарев. – Смерть свидетеля – это косвенное признание вины. Наш рецидивист окажется первым подозреваемым. Ему проще подождать, пока дело развалится само за недостатком улик.

– Ростохину светит пожизненное! – опять сжал кулаки Юрий. – Он не станет рисковать! Убрать единственного свидетеля для него гарантия безопасности!

– Не устраивай паники, Скворцов! – повысил голос начальник отдела. – Новое убийство Ростохина только выдаст. Он не станет подставляться.

– Он рецидивист, Алексей Сергеевич, а не хитроумный тактик! Для него простой путь самый правильный. Убрать, и концы в воду!

– Скворцов, прекратите истерику! – хлопнул ладонью по столу майор. – Решение принято! Все, свободен!

– Вы играете человеческой жизнью, Алексей Сергеевич! Неужели вы этого не понимаете?

– Иди работай, Скворцов, – жестко приказал Чеботарев. – Принимать решения ты будешь, когда заработаешь себе на погоны хотя бы четыре звездочки. А сейчас твое дело просто выполнять приказы. Кругом, шагом марш! Свободен!

– Но Алексей Сергеевич...

– Команда была кругом! – резко перебил его майор.

Оперативник заметно покраснел, сделал три шага вперед, заглянул в протокол опознания, затем развернулся на каблучках и вышел из комнаты, громко печатая шаг.

Глядя ему в спину, Чеботарев задумчиво покачал головой:

– Ох, и намучаюсь же я с ним...

\* \* \*

Скуластый парень тем временем выскочил из отделения, добежал до потрепанной зеленой «Нивы» на парковке, завел ее и, ревя пробитым глушителем, сорвался с места.

Дорога до цели заняла у оперуполномоченного Юрия Скворцова не больше двадцати минут.

– Дом двадцать два, – пробормотал он себе под нос, притормаживая под раскидистыми кронами. – Дом двадцать два...

Роцинская улица полностью оправдывала свое название. Дома отстояли здесь от проезжей части метров на сто, и весь этот промежуток являлся сплошной зеленой зоной: два ряда кленов, дальше березки, липы, рябины и даже несколько яблонь...

Скорее всего, лет пятьдесят назад это место считалось престижным районом: двухэтажные малоквартирные дома из красного кирпича, построенные далеко в стороне от фабрик и заводов. Много воздуха, зелени и прогулочных дорожек. Однако время оказалось сильнее – и асфальт на узком проезде растрескался, превратившись в полосу крупных серых камней, рассыпанных между корявыми стволами; ровные аллеи сквера преобразовались в натуральные лесополосы, а ограждение из шиповника – в непролазный кустарник, сожравший былые дорожки. И ко всему этому добавились еще и выросшие где ни попадя лопухи и бурьян... В общем – все вместе взятое вызывало ощущение полной дикости и запустения.

– Как они тут живут? – вслух удивился оперативник.

– Просто колхоз какой-то!

Впрочем, попавшиеся ему на глаза «майбах», «роллс-ройс» и пара крупных джипов, припаркованные прямо на газонах, подсказывали, что живут тут неплохо. Вестимо, здешние квартиры повышенной комфортности, построенные когда-то для обкомовских работников, продолжали котироваться заметно выше банального «евроремонта» в новых спальных кварталах.

– А вот о парковках в советское время как-то не задумывались...

Пользуясь малыми размерами своего внедорожника, Скворцов свернул между кленами, упершись радиатором в кустарник, вышел из машины, прищурился:

– Значит, дом двадцать два...

Нужная ему двухэтажка выглядела и вовсе заброшенной: выбитые окна, стены в разноцветных пятнах, пробитые через шиповник тропинки, везде рассыпана какая-то пластиковая труха.

Однако, подойдя к левой парадной, оперативник к немалому своему удивлению обнаружил не только добротную железную дверь, но и черную полусферу видеокамеры над ней. А чуть дальше по стене – выгоревшие оконные рамы.

– У богатых свои причуды, – сделал вывод паренек.

– Они бы еще в общественном сортире поселились!

С этими словами юный полицейский нажал на дверной звонок. Немного выждал, нажал снова.

– Прошу прощения, но дома никого нет, – послышался смутно знакомый голос.

– А с кем я тогда разговариваю? – вскинул брови оперативник.

– С моим смартфоном, – ответил невидимый собеседник. – Вернее, со мной, но через систему безопасности. Причем я вас даже вижу. Если вы хотели что-то мне продать, то мои соболезнования, я нахожусь в пятидесяти километрах от дома. Но если что, легко могу вызвать для вас полицейский патруль.

– Мы виделись всего полчаса назад, на опознании, – посмотрел в глазок видеокамеры полицейский. – Моя фамилия Скворцов, я оперуполномоченный, нам срочно нужно поговорить!

– Да, точно, я вас вспомнил. Но проблема остается прежней. Пятьдесят километров.

– Я могу поехать вам навстречу.

– Хорошая мысль, товарищ Скворцов! Я бы предложил для простоты встретиться на полдороге в каком-нибудь заведении за рюмкой чая, но мы оба за рулем. Может, кофейку?

– Разговор обещает быть не настолько долгим и не настолько душевным, – мотнул головой молодой оперативник. – Я видел возле кольцевой развязки перед вашей улицей какой-то супермаркет. Давайте встретимся там на парковке.

– Договорились! Как вас найти?

– Зеленая «нива». Я встану в свободном углу, подальше от входа.

– Тогда до встречи!

\* \* \*

К магазину оперативник приехал первым. Он еще парковался, когда рядом с ним затормозила серебристая «акура». Водительское стекло опустилось:

– Товарищ оперуполномоченный?

– Зовите меня Юрием. – Паренек заглушил машину и вышел на свежий воздух.

Свидетель последовал его примеру, глубоко вдохнул, словно бы вырвавшись из духоты, и протянул руку:

– Михаил.

– Я в курсе. – Ладонь свидетеля Скворцов все-таки пожал. – К сожалению, не только я. Вам нужно на некоторое время покинуть город. Укрыться в безопасном месте.

– Почему? – вскинул брови Михаил.

– Подозреваемый знает, где вы проживаете. Он вполне способен... Как бы это сказать... – щелкнул пальцами полицейский. – Он может серьезно вам навредить, чтобы вы не давали показаний.

– Я думаю, вы преувеличиваете, – покачал головой мужчина. – Зачем ему выдавать себя подобным поступком?

– Вы, наверное, не поняли меня, Михаил, – глубоко вздохнул Скворцов. – Ваша жизнь в опасности. Преступник знает ваш адрес. И ему наверняка очень хочется заткнуть вам рот.

Мужчина немного подумал, потом кивнул:

– Хорошо.

Однако опытный оперативник ощутил в его голосе явственную фальшь и потому уточнил:

– Михаил, вы точно осознали, о чем я говорю? Ростохин рецидивист, ему грозит пожизненное заключение. Для него уже нет разницы, одно убийство или два. Он с легкостью застрелит даже десять человек, лишь бы заставить их замолчать! Ваша жизнь в серьезной опасности!

– Да, я понял, – с легкостью кивнул мужчина. – Но ведь место моей работы ему неизвестно? Если я поселюсь в гостинице и стану ездить на работу оттуда, он ведь меня не найдет?

– Думаю, нет... – с сомнением ответил оперативник. Он все еще ощущал в словах свидетеля некоторую недосказанность.

– Вот и хорошо! – широко до приторности улыбнулся мужчина, чем еще больше убедил Скворцова в том, что потенциальный жмурик ему врет.

Молодой полицейский тяжело вздохнул.

Вот уже который раз за свою не очень долгую службу он задавал себе вопрос: как спасти от смерти людей, которые словно сами ищут пулю себе в башку?! Потерпевшие в самых разных делах то и дело сами впускали к себе домой незнакомых людей, сокращали себе путь через глухие подворотни, показывали в магазинах полные денег бумажники или раскрывали коды банковских карт по анонимному телефонному звонку.

С другой стороны – он сделал все, что мог. Об опасности предупредил, скрыться посоветовал. Если человек, несмотря ни на что, с упрямством идиота продолжает совать голову в пасть гиены – кто ему судья?

– Рад был поговорить, – пожал плечами полицейский и протянул руку. – Хорошего вам дня!

– Большое спасибо за беспокойство, Юрий, – кивнул Михаил.

– Если не секрет, – вдруг удержал его руку в своей оперативник. – Скажите, почему ваша улица выглядит так, словно иллюстрация к сказке про лешего с кикиморой? Это же, как я понимаю, престижный район! Неужели нельзя привести его в порядок?

– Вы не поверите, друг мой, – усмехнулся свидетель, – но это памятник архитектуры. Что-либо менять на этом проулке мы не имеем право. Оштрафуют и заставят восстановить, как было.

– Целая улица? – удивился Скворцов. – Да она же построена от силы в семидесятых!

– Проблема в том, что клены в нашем проулке посадила какая-то комсомольская делегация то ли из Марокко, то ли из Мадагаскара. Никто уже и не помнит, – пожал плечами Михаил. – Но тем не менее, кучка престарелых коммунистов не позволяет их убрать. Стариканы у нас не живут, на проблемы местных жителей им совершенно начхать. Причем в охранном свидетельстве речь идет не только о деревьях, но и обо всей «Аллее Дружбы».

– Ага, – кивнул оперативник, удивившись тому, как легко и просто разрешилась загадка Рощинской улицы. – И еще вопрос. Половина вашего дома лежит в руинах. Вам бомжи, дети, бродяжки не докучают?

– После того, как неведомые гости три раза подрывались на растяжках, в этих «руинах» царит тишина, словно на кладбище, – небрежно отмахнулся мужчина.

– На каких еще «растяжках»?! – моментально сделал стойку оперативник, и его рука рефлекторно дернулась к пистолету.

– На самых обычных, стрекбольных, – усмехнулся Михаил. – Четыреста рублей штука, свободно продаются во всех спортивных магазинах. Есть с начинкой из гороха, есть с краской, есть просто свет шумовые. Мы с совладельцами на пустующей части дома организовали стрейкбольный полигон. Во время игры команды очень часто ставят друг на друга растяжки и еще чаще забывают их снимать. Потом подрываются и на своих, и на чужих. Так что забираться в мои «развалины» крайне не советую. Гранаты сами по себе совершенно безопасны, но когда бумкают в замкнутом пространстве, от них потом дня два в ушах звенит и искрит перед глазами. А если это случается неожиданно и в ночной тишине... В общем, у нас на улице даже собаки предпочитают писать как можно дальше от моего дома.

– То есть, это не руины, а грамотно оформленный полигон? – уточнил Юрий.

– Проработанный лучшими дизайнерами и психологами, – добавил свидетель. – Атракцион высшего разряда.

– Откуда что берется? – с искренней усмешкой мотнул головой полицейский. – Никогда бы не подумал! Вот уж не ожидал, что у столь невероятных странностей может оказаться столь простое и рациональное объяснение. Что же, всего доброго. И будьте осторожны!

Ифрит одобрительно, с широкой улыбкой кивнул. Но едва оперативник отъехал, улыбка с губ мужчины мгновенно пропала. Михаил болезненно поморщился и пробормотал:

– Вот только тебя-то нам и не хватало!

\* \* \*

Впрочем, времени предаваться унынию у Михаила не было. После встречи с заботливым оперативником он оставил машину, переместился домой, переоделся в скромный коричневый костюм и старенькую замшевую куртку, на такси отправился в суд – по забавному совпадению, посвященный именно снятию запрета на благоустройство Рощинской улицы.

Однако, старания ифрита принять облик скромного обывателя, страдающего от житейской неустроенности, канули втуне – заседание перенесли по причине болезни соответчика.

Михаил, всячески изображая печаль и разочарование, взял для соседей выписку из протокола – после чего с сознанием честно исполненного долга сходил в кафе на бизнес-ланч, затем посетил два строительных агентства, чтобы оформить контракты на работы, подписал в банке чеки для налоговой инспекции, три часа разбирался в юридической конторе с проблемами «1С», неизменно возникающими после каждого обновления, и только в районе восьми вечера закончил свой обычный день «богатого бездельника», усталым и голодным приехав к одичавшей «Аллее Дружбы» на такси.

Негромко напевая себе под нос, он обогнул заросли шиповника, поднырнул под крону рябины, вышел на прогалину между ольхой и акациями и...

– Какая нежданная встреча! Ментовский стукачок!

Ифрит поднял взгляд и удивленно вскинул брови:

– Ого, кого я вижу! Человек со шрамом? Откуда вы здесь? Зачем?

– Ты не поверишь, кретин, но твой адрес указан в протоколе опознания, – приблизился к нему Ростохин, снова спрятавшийся в куртку с глубоким капюшоном. – Каковой перед подписанием я имею право прочитать и внести свои возражения.

– Согласен, очень странное правило... – согласился Михаил и указал пальцем на пару сторбленных фигур, прячущихся в тени деревьев. – Смотрите, человек со шрамом, здесь опять есть свидетели. Наш мир устроен так, что свидетели появляются всегда. Всех не перестреля-

ешь. Лучше просто ступайте в отделение и напишите явку с повинной. Если повезет, отмажетесь от пожизненного. Наверняка найдется какое-нибудь смягчающее обстоятельство. Вы ведь убили Аксумова не просто так, правильно? Наверняка имелись некие дополнительные обстоятельства.

– Подержите его, братаны, – распорядился Ростохин, и «сгорбленные фигуры», покинув тень деревьев, обыденно подошли к своей жертве и крепко взяли Михаила за локти с обеих сторон.

– Зачем это, Ростохин? – удивился ифрит. – Бойтесь промахнуться с трех шагов?

– Не считай меня идиотом, лошара! Если тебя найдут с теми же пулями в тушке, что и того козлина из ресторана, то сразу поймут, кто это сделал. Поэтому почерк твоей смерти должен оказаться другим. Придется резать тебя на тонкие длинные ленточки, долго и муторно. Но чего только не сделаешь ради хорошего человека! – Уголовник достал из внутреннего кармана охотничий нож, попробовал пальцем лезвие и предупредил: – Держите его крепче, братаны. Сейчас наш стукач начнет визжать и брыкаться.

– Прежде чем выпустить мне кишки, Ростохин, может, все-таки скажете, по какой причине вы застрелили Аксумова? – попросил Михаил. – Любопытно, однако!

– Подожди... – опустил клинок уголовник. – На тебе что, микрофон?

– Нет, Ростохин, – покачал головой ифрит и пальцем постучал себе по груди. – Я просто включил смартфон в режим диктофона. Отличная модель, пишет все вокруг со студийным качеством. Я же полицейский осведомитель, вы забыли? Я свою работу знаю. Качественная запись – половина дела!

Держащие жертву мужчины опасливо переглянулись, и их хватка заметно ослабла.

– Пока твои менты сюда добегут... – снова поднял нож уголовник, – я успею раз пять перерезать тебе глотку!

– Нет никаких ментов, Ростохин, – отрицательно покачал головой Михаил. – Так что не закатывайте истерик, вам ничего не грозит. Можете резать из меня ленточки.

– Нету? – Уголовник настороженно стрельнул глазами по сторонам. – Тогда что происходит? Почему ты так спокоен?

– Вы просто не знаете, с кем связались, мои маленькие дурачки, – уже совершенно откровенно ухмыльнулся ифрит. – Хотите, фокус покажу?

Он опустил правую руку, крепко вцепился «братку» в пояс – и швырнул его, словно пивную бутылку, в голову Ростохина. Убийца пригнулся, уворачиваясь, и увидел, как его несостоявшаяся жертва схватила второго «братка» за волосы, рванула к своей груди, и крепко вцепилась клыками в открывшееся горло. Два глотка – безжизненное тело упало на траву, а кровосос вскинул голову. Полыхнули краснотой глаза, сверкнули белизной длинные клыки, стекла капелька крови с левого зуба.

– Значит, ты нарежешь из меня розовые ленточки? – утробно уточнила тварь, громко расхохоталась и кинулась вперед...

– А-а-а!!! – Ростохин выхватил из-за пазухи пистолет, дернул затвор.

Ифрит резко упал на колено, подхватил с земли и одной рукой вскинул вверх бесчувственное тело.

Грохнула пара выстрелов, свистнули пули.

– Бросай оружие!

Уголовник резко повернулся, дважды выстрелил в сторону скуластого паренька – успешного, однако, юркнуть под заросли шиповника.

– Вот, настырный попался, Ван-Гог ему в глотку! – сквозь зубы выругался ифрит.

Ростохин повернулся к нему – Михаил опять закрылся, как щитом, туловищем «брата».

Хлопнули выстрелы – и тут вдруг бесчувственное, как казалось, тело внезапно взвыло от боли и вырвалось из рук нежити. Бросилось бежать – однако тут же врезалось в стену кустарника и задергалось там, обеими руками держась за сидалище.

– Да сдохни же ты наконец!!! – Ростохин прицелился в Михаила.

Но оперативник своего шанса не упустил – распрямился и чуть ли не очередь выпустил в сторону рецидивиста не меньше половины обоймы, сразу свалив преступника с ног. Торопливо продрался вперед, на прогалину.

Ростохин корчился на земле, скуля от боли. Скворцов попытался ногой выбить пистолет из его рук, но преступник внезапно прохрипел:

– Долбаный стукач... – вскинул оружие и уже знакомым оперативнику дуплетом выпустил две пули в опознавшего его свидетеля.

Юрий тут же выстрелил уголовнику в голову – но было уже поздно...

Оперативник поднял взгляд на Михаила...

Чуть подождал...

Подождал еще...

А потом уже сам начал медленно поднимать ствол:

– Кто ты такой?! Отвечай! Отвечай немедленно! – Полицейский сдвинулся чуть в сторону: – Нет, что ты такое?! Ты вампир?!

– О, великие боги!!! – тяжело вздохнул ифрит. – Мальчик, ты перетрудился! Какие вампиры, что за бред? Мы живем в реальном мире, а не в сказке и не в кино. Вампиров не существует!

– Я видел, как ты пил кровь!

– У этого? – Михаил кивнул на скулящего в кустах бедолагу. – Как видите, дружище, анемией он ничуть не страдает, бодр, жив и здоров. Не считая дырок от пуль, разумеется. Кстати, Юра, у вас проблемы. Очень трудно доказать факт самообороны, когда ваши пули засели у противника в жопе, а не в груди.

– Ты одной рукой швырнул человека на несколько метров!

– Он был тощим и легким, а я много лет занимался тяжелой атлетикой! – сходу ответил Михаил.

– У тебя были клыки! У тебя глаза горели!

– Так ведь ночь на дворе, Скворцов! – развел руками полицейский осведомитель. – Сумерки, тени, фонарь далеко. Мало ли чего примерещится в такой обстановке?

– В тебя дважды стреляли, Варишин! А ты даже не поморщился!

– Ерунда, уголовник промахнулся.

– У тебя на куртке две дырки от пуль!

– Куртка старая. Дыры протерлись уже давно.

– Тогда расстегни ее и раскрой... Смотри, на пиджаке тоже две дырки! И на рубашке, я уверен, тоже!

– Даже не знаю, что сказать, – пожал плечами Михаил. – Но я уверен, что любому событию, каковое на первый взгляд кажется очень странным, всегда найдется разумное и рациональное объяснение.

– Тогда валяй! Я хочу его услышать! Я хочу услышать это объяснение немедленно!

– Вы только что убили человека, Скворцов. У вас шок, вам мерещатся странные вещи. – предложил свой вариант ифрит. – Это нормально, случаются глюки и пострашнее. Но вы выпитесь, отдохнете, и это пройдет.

– Ты думаешь, это смешно? – выкрикнул оперативник.

– Я думаю, Юра, что вы пытаетесь испортить уже почти закрытое уголовное дело, – спокойно ответил ему Михаил. – Вы, наверное, не в курсе, но я уже очень много лет являюсь штатным полицейским информатором. Строить суд на основании одних только показаний платного

осведомителя, это не комильфо, это даже в Америке не прокатит. Зато теперь у нас есть ствол, записанное на диктофон признание, и два свидетеля, которые с радостью свалят на своего дохлого дружка вину за все, что угодно, только выбирай. Кстати, второй из этих свидетелей уже зашевелился, и когда оклемается, сразу попытается сделать ноги. Так что очень советую убрать пистолет и достать наручники.

– Вот, блин горелый!.. – на миг оглянулся через плечо оперативник. – Ты хочешь сказать, что майор подставлял не тебя? Получается, вы на пару с ним подставляли Ростохина?

– Хотите побегать? – Ифрит указал подбородком на зашевелившегося уголовника.

– Вот же хрен!.. – На лице полицейского со всей яркостью проявилась бесконечная мука от необходимости выбора.

Через секунду паренек сломался: спрятал «ствол», крутанулся и прижал оклемавшегося дружка убийцы коленом к земле, вывернул ему руки за спину, застегнул браслеты. А когда выпрямился – его собеседника уже и след простыл.

Юрий Скворцов остался наедине с компанией из труппа, раненого и громко матерящегося арестанта.

Между тем, на улице между кленами уже подпрыгивали сине-белые проблесковые маячки.

– Вот же хрен горелый! – еще раз громко ругнулся Скворцов.

Разумеется оперативника ничуть не удивило, когда вместе с двумя патрульными экипажами на место перестрелки приехал майор Чеботарев – каковому по времени полагалось давным-давно сидеть дома перед телевизором. Равно как не удивило и то, что тот догадался прихватить с собою мощный фонарь.

– Опаньки! – Яркое пятно света выхватило из сумрака сперва тело с простреленной головой, затем скулящего в кустах бедолагу с залитыми кровью штанами. – Надеюсь, Скворцов, у вас найдется всему этому зрелищу внятное объяснение?

– Он спас мне жизнь, Алексей Сергеевич! – неожиданно громко закричал от дверей в дом Михаил Варишин, свидетель по делу об убийстве гражданина Аксумова. – Вы не поверите, товарищ майор, но меня хотели убить! Этот, со шрамом, хотел меня зарезать! Но я вырвался, стал метаться, а они принялись стрелять в меня из пистолетов! Я думал, сейчас убьют, но тут появился этот паренек, и тут же бах, бах, бах – всех уголовников перебил! Господи, как же я испугался! Как же я ему благодарен!

Само собой, Михаил Варишин был одет уже не в простреленную замшевую куртку, а в длинную синюю парку, целую и невредимую.

Но кроме Юры Скворцова этого нюанса, естественно, никто не знал.

– Кстати, Алексей Сергеевич, мне очень повезло, – подошел ближе Варишин. – У меня в смартфоне при нападении случайно включился диктофон, и поэтому все случившееся попало на запись. Это ведь пойдет на пользу делу, правда?

– Это очень поможет следствию, свидетель, – кивнул Чеботарев и повернулся к подчиненному: – Поезжай домой, Скворцов. Завтра к полудню подробный рапорт о случившемся должен лежать у меня на столе.

– Я могу рассказать все прямо сейчас!

– Юра, ты бледен, ты запыхался, и у тебя трясутся руки, – отеческим тоном ответил майор. – Тебе нужно успокоиться и отдохнуть. Поезжай домой, выспись. Отчитаешься на свежую голову. Кругом, шагом марш!

– Слушаюсь, Алексей Сергеевич. – Оперативник внимательно посмотрел на свидетеля, потом на своего начальника... и смиренно побрел к машине.

– Как прошло? – негромко поинтересовался начальник убойного отдела.

– Ствол есть, признание есть, – пожал плечами ифрит. – Дело, считай, закрыто. Если бы не твой архаровец, взял бы всех живыми. Но, в принципе, так тоже неплохо получилось. Откуда он, кстати, взялся на мою невинную голову?

– Из участковых с повышением перевели, – вздохнул Чеботарев. – В личном деле куча поощрений и отличная характеристика. Кто же знал, что фраза «смел и инициативен» означает лишь то, что он постоянно лезет не в свое дело? За дурной характер, похоже, его куда подальше и сбагрили. Чего теперь с ним делать, ума не приложу!

– Как чего? Поощрять! – рассмеялся Михаил. – Повод есть, в одиночку завалил убийцу, да еще и двух преступников задержал. Пару раз благодарность объявите, к медальке представьте, звездочку на погон добавьте – и можно посадить куда-нибудь подальше с глаз долой мелким начальником отделения.

– На эту канитель года два уйдет, не меньше!

– Прощения просим, тут я не помощник, – развел руками ифрит. – Я, вообще-то, свое дело уже исполнил. Доказательства в наличии: ствол, гильзы, подозреваемый. Аудиозапись, как всегда, скину на ящик. Так что я, пожалуй, пойду.

– Спасибо, Михаил, – протянул руку майор.

– Всегда пожалуйста! Будет плохо, звони... – Штатный информатор пожал его горячую ладонь.

– Да, кстати, Миша! – перебил его полицейский, удерживая рядом. – Я тут недавно про тебя вспоминал.

– Хорошо или плохо, Алексей Сергеевич?

– Вспоминал твою просьбу рассказывать о случающихся странностях.

– Ага... – Ифрит весь превратился во внимание.

– У нас в последнее время случилось несколько заявлений о кражах в электричках, – понизил голос Чеботарев. – Пострадавшие утверждали, что у них пропадали некие суммы денег, причем прямо из карманов. Звучало это странно, ибо кража якобы случалась при большом количестве свидетелей. Пострадавшие высказывали подозрение, что их обокрали в то время, когда они находились в поезде, но заснули. Вроде как садились с деньгами, а выходили уже без них. Получается, имущество исчезло в вагоне. И все при этом помнят, как заснули. Это, так получается, единственный момент, когда посторонним удалось бы влезть им в карман.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.